Ср 4-4
Рос 1-857
1935г. №17)

2020146823

А 3002
Рос 4-4
1-857

КАЗАКИЯ

Ленинградский государственный
архив древних актов и революции
и соц. стр-ва Гельсингфорс СССР
Ф. № 7030 опись 3 К. ар. № 428

1(7)
1935

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ ВК — КАЗАКОВ НАЦИОНАЛИСТОВ.
Др. С. А. ФЕДОРОВ: Казачья Нация.
Проф. Ф. А. ЩЕРБИНА: Пережитое, передуманное и осуществленное (VI).
НИК. ГУЛЫЙ: Восстание казаков на Таманск. полуостр. в мае 1918 г.
ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВ: Лабинская — Пятигорск.
К. М. КИРЕЕВ: К истории восстания верхнедонцов весною 1919 г.
СЕРГЕЙ МАКЕЕВ: Женитьба (рассказ).
ИВАН МОСЕВ: Пластуны (стихотв).
ИВ. ТОМАРЕВСКИЙ: Было время (стихотв).
МИХ. ЛАЗАРЕНКОВ: Двенадцать осокорей(стихотв)
ШАМБА БАЛИНОВ: Милюковский Вакар и сталинский пискарь.
ЗАПОРОЖЕЦ — Знаменательные факты.
Инж. В. Г. ГЛАЗКОВ: Путевка в смерть.
Г. Л. ЕРЕМЕНКО: По текущему моменту: В. Обществе Кубанцев.
ЛАВРУХИН: Итало-Абисинский конфликт.
КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.
ХРОНИКА
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЬ

Журнал „Казакия“ никому бесплатно высылатся не будет. Станичники, ваша скромная помощь, подписавщись на журнал, даст возможность издаватего редовно. Подписную плату пересылать Окруженым Атаманам, и предст. Цен. Прав. Последние пересылают на имя пред. Цен. Прав. П. Н. Кудинова — София, бул. Драгоман 52.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

К. Л. (Фр.): В „Обществе Кубанцев“ Петр Макаренко борется за чистоту „украинского напрямку“ организации против намечающего чисто казачьего уклона, а в „ВК“ у Билого он защищает идею Казакии. Так что трудно сказать — кто он такой в данное время. Интересно бы спросить ИАБ, как он смотрит на этот самый „украинский напрямок“ своего подручного.

Ат. Р. (Брюкселъ): Таким тоном обмена мнениями едва ли до чего договоримся. Спокойствие и об'ективность первое условие, чтобы люди поняли друг друга. Те, кто отрицают Б., свои шаги обосновывают и серьезно. А те, кто защищают его, только сердятся, ничем не подкрепляя своей позиции. Мириться с расколом из за одного человека было бы для ВК весьма глупо. Привет.

К. и М. (Польша): Со всех сторон раздаются голоса, чтобы прекратили печатание полемических материалов по нашему внутр. вопросу. Поэтому ЦП решило попытаться первым проявить инициативу в деле прекращения спора. Поэтому ваше сообщение о приезде к вам Б. и его подкупательных методах не печатаем. Привет вам. Не обижайтесь. Попробуем помолчать.

Ш. Б. (Фр.): Пункт 1 нашего положения нужно понимать в том смысле, что в состав нашей гос. формации Могут входить перечисленные народы при желании, напр. ногайцы, черкесы. Он совсем не говорит о том, что мы намерены силой кого то втягивать. Наш § 1 оставляет, так сказать, открытые двери. Привет.

Л-н (Болг.): Ваш материал, по характеру этого номера, пришлось оставить. Вероятно используем в „Бюллетене“. Способы общения с вк со стороны Б., конечно, любопытны. Если он К-ву дал столько лев, да еще ломским, то много людей не купишь так дорого. Разве что подешевеют казачьи души, да и тогда он не купит больше сотни. На подкупе он далеко не уедет. Пусть покупает продажные души. Чичиковы и Хлестаковы будут живы еще долго. Привет.

П. К. (Фр.): Ответ на ваш давнишний запрос вы получите в этом номере, в статье Г. Еременко — II. Источник — СК. женат на чешке, которая держит связь с родителями (матерью) в Праге, к которым имеет вход один куб. казак. Сведения точные.

И. Б. (Фр.): Что там ни говорите, а своим участием в выборах, вы показали себя анархистами, а не вольными казаками. Если не желали слушаться ВЦП., то должны были послушаться своего Б. или Окружного Ат. Л-ва, наконец. Так сознательные члены полит. движения не поступают. Вы теперь морально обязаны подчиняться Гр., а не ВК. центру. С вашим мнением. что Пох. Ат. может быть честный и достойный казак, мы согласны вполне. Именно.

В. (Харбин): На ваше первое письмо поручили ответить Я. С. К. Надеемся, что он даст подробный ответ по главному вопросу. Сотрудничеству вашему вообще будем рады, но давать обязательство о неприкосновенности ваших материалов редакция не может, как и никому другому. Бывает много причин, заставляющих редакцию „приказаться“ к вещам. Иногда простое соображение о площади вынуждает опустить иной второстепенный абзац. За стилем, за грамотой и принципом тоже приходится следить. Без нужды редакция ничьих вещей не трогает. Привет.

Инж. Бондаренко: За неимением места не могли поместить все ваше об'явление. Поместили самую существенную часть. Что касается разыскиваемых вами книг, то можем сообщить следующее: Издания Донской Ист. Ком. можно купить только у П. А. Скачкова, бывшего заведующего Дон. Архивом в Праге, до сдачи его им в архив Русский. Сборник рассказов В. Крюкова, пожалуй, можно купить у самого автора. Адрес его: 11, рю Эдуард Манет. Париж — XIII. Сборник „Казачество“ можно будет купить у Мельникова Н. М. „Казачья Самостийность“ — П. Н. Краснова это, кажется, статья в одном из томов „Архива Рус. Рев.“, издававшегося Гессеном и др. Отдельной такой книги, думаем, что нет. Книги Шолохова можете выписать через чешский книжный магазин из СССР. Обращаем ваше внимание, что у Шолохова. кроме упомянутых вами книг, есть еще небольшой сборник „Донские Рассказы“, самое раннее произведение автора. Книгу Щербины купить уже невозможно. Разве найдете в каком-либо архиве или библиотеке на просмотр. Нам неизвестен журнал „Каз. Альманах“. Думаем, что речь идет о „Календаре Альманахе“ изданном редакцией „Вольного Каз-ва“ в 1930 году. Его можно купить в Куб. архиве в Праге.

Об остальных. интересующих вас книгах и журналах, мы ничего не можем сообщить.

Г. К. (Польша): Чтобы понять, что за „представители кавказских народов“ были у Б. на банкете, по случаю провозглащения его „походным“ следовало бы вам прочитать один из последних номеров „Сев. Кавказа“ и № 21—22 „Кавказа“. Эти два враждебные кавказские журналы совершенно одинаково и отрицательно комментируют факт участия тех двух-трех кавказцев на банкете. Между прочим, в журнале „Кавказ“ один армянин — А. Шейх-Уль-Ислам-Заде — представляет одного из участников б-кого банкета — Расула-Заде, как от'явленного провокатора и разлагателя армянского национального движения. По этой информации выходит, что Расул-Заде и вор, присвоивший общественные деньги, и самозванный „вождь“, и разлагатель, и клеветник, и „чудом“ спасшийся из пасти КЧ и также „чудом“ удачно бежавший заграницу, где, прикинувшись армянским националистом, проник в среду армянского нац. центра и вот уже несколько лет, несмотря на все улюлюкания, продолжает упорно разлагать армянское нац. движение. Если все это правда, то для нас его дружба с Б. приобретает особый оттенок. Конечно, он должен был его найти, ибо. как говорится, „рыбак рыбака видит издалека“. Видимо, ягодки с одного поля. Другой, некто Н, также по рекомендации „Кавказа“, социалист, один из членов группы разлагателей Грузинского национального движения. Как видите — упаси нас Боже от этаких друзей. Привет.

Рос 4-4/1-857

КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ-KOSAKIA

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией: С. БАЛЫКОВА, Г. ЕРЕМЕНКО И Ф. ОБОЛЕНСКОГО.

№ 1 (7) ◎ Ноябрь 1935 года Болгария. София, бульв. Драгоман, 52 ◎ № 1 (7)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА 18 ОТДЕЛ им. В. И. ЛЕНИНА

67.34

От Центральнаго Правления В. К. Союза Казаков Националистов

Временное Центр. Правление ВК., возникшее два года тому назад и имевшее ограниченную рамку деятельности в области защиты природно-казачьих общественных традиций от угрожавшей опасности со стороны захватничества, в августе сего года, считая свою задачу законченной, созвало с'езд из представителей округов и вольноказачьей общественности, перед которым отсчиталось и сложило свои полномочия.

Указанный с'езд, приняв отставку ВЦП., тогда же сформировал новое постоянное Центральное Правление, существующее и работающее на основах принятого Внутреннего Положения ВК. как верховный, исполнительный, центральный орган казачьего национального движения.

Сознавая всю трудность работы в существующих внутренних и внешних условиях, отдавая полный отчет в ответственности, но помня о своем национальном казачьем долге, мы не могли отказаться от возлагаемого на нас тяжелого бремени.

Так как основные мотивы происшедшего в Вольном Казачестве внутреннего раскола, благодаря активному и об'ективному освещению положения со стороны бывшего ВЦП., ныне всеми ясно осознаны и усвоены, Центральное Правление не находит нужным возвращаться к этому вопросу и считает эту работу выполненной.

Ввиду того, что внутренний раскол в ВК. к настоящему времени принял вполне законченные формы т. е. — на одной стороне образовалось законное выборное Центр. Правление, а на другой стороне, согласно воле его приверженцев, укрепилось полное, безконтролное и безсрочное единоличное самоуправство Билаго, **Центральное Правление ВК. с этого момента прекращает всякую междуусобную борьбу путем печатной полемики.**

Только в исключительно важных случаях, в порядке исполнения идейнаго долга, оно будет информировать Нац. казачью общественность, разоблачая измену и провокацию.

По мнению ЦП. наступила пора, когда не взаимной критикой, а спокойной и продуктивной работой стороны должны будут доказать как ценность персональную, так и жизненную оправданность той системы организации и тех принципов работы, каких данная сторона придерживается, идя к своей цели.

Надеясь, что казачьи националисты, как люди наделенные обостренным сознанием личной ответственности и сыновнего долга передъ народом в трагические моменты его истории, окажутся на достаточной высоте общественного сознания и жертвенности, обращаемся к ним с просьбой о братской поддержке.

Только об'единением наших сил и средств и бескорыстной жертвенностью мы сумеем сыграть в жизни нашего многострадального народа спасительную роль. От тех вольноказ. организаций и отдельных вк., которые уже об'единены вокруг нашего центра, ожидаем аккуратного и безотлагательного выполнения наших указаний и распоряжений, какие будут нами отдаваться в интересах только нашего казачьего дела, по свету рассеянного и там томящагося Народа.

Да здравствует казачество!

Председатель ЦП. **Есаул П. Кудинов**

Члены ЦП. агр. **Евсиков, Д-р Федоров, Инж. Головчанский, Ш. Балинов, Есаул Овсянник, хор. Безуглов, С. Косоротов.**

Секр. Ц. П. В. К. **Сотник Балыков.**

Д-ръ С. Федоров. — (Прага)

Казачья нация

III. Амальгамизационный процесс и Казачество

Ранее мы указали, что амальгамизацией называется тот естественный процесс, благодаря которому происходит приобщение друг к другу различных племенных групп, завершающееся возникновениемъ нового народа, со своими особенными бытом и характером.

Когда примитивные расы, под влиянием двух причин материальной и моральной — оставляют места своей первоначальной оседлости и пускаются дальше в белый свет в поисках лучшей доли, то, в конце концов, они приходят на такое место, которое начинаетъ им нравиться и они проявляют желание осесть на нем.

Но здесь они встречаются с иным народом, который отличается от пришельцев языком и людской физиономией и который защищает свою землю от пришельцев. Начинается первая борьба и в первое время только „бьют“ друг друга.

Первая борьба покоряет и переводит на более высшее положение слабейшую расу. Первая победа решает признание могущества сильнейшего. За первым господством начинается первая государственность. За первым бесправием в результате мирного сожительства, приходит право и первая Нация уже обрисовывается в будущности.

Воинственное племя, покинувшее место своей первоначальной оседлости и отправившееся в завоевательно переселенческий поход, в конце концов, оседает и постепенно сливается с коренным населением, совместно охраняя и защищая свои общие интересы. Такимъ образом создается „общий народ“.

Первое столкновение уже есть начало цивилизации. Без расового столкновения не создается ни одно государство и без расового „сплавливания“ не творятся никакие культура и цивилизация.

Процесс амальгамизации происходит в вековечных расовых распрях, боях, войнах и мирах. Этот процесс в настоящее время протекает в переселенческих походах номадов, в военных походах и завоеваниях, в колонизации, в длительных эмиграциях, создавая все новые и новые расы, или соответственно народы, со своим особым национальным духом.

В процессе развития человечества всегда возникают все новые группировки, которые как и гетерогенные (самозарождающиеся) группы, обыкновенно именуемые нами расами, в соответствии с другими гетерогенными группами и обществами определяются как расы.

Вообще же все гетерогенно-этнические группы, так же, как и такие социальные, которые как носители исторического процесса противопоставляются в борьбе одна другой, следует вполне обозначать определением расы.

И именно потому, что в настоящее время расы уже не представляют антропологического понятия в точном смысле этого слова, так как они не являются продуктом биологического или физиологического процессов, а есть продукт процесса исторического, который при всех положениях выступает как процесс естественный (Кржижицкий. Психические расы).

В процессе амальгамизации утрачивается определенная расовая чистота и возникают все новые и новые народы, все с новым и новым племенным духом. В современном научном представлении уже не существует чистых рас и определение племен по общности их происхождения, как и по языковым признакам приводят к разнообразнейшим ошибкам., что мы особенно наглядно видим в представлениях о „единстве русского народа“.

Вследствие этого процесса отдельные гетерогенные группы сближаются между собою, создавая бо́льшие об' единения: Народы, Нации, Расы, которые в свою очередь снова соединяются с другими совместно-замкнутыми и амальгамизированными народами, нациями и расами; эта борьба проходит через все новые области, господства и культуры и вновь совместно гетерогенно перемешивает и амальгамизирует их.

Обзор образования многих наций показывает нам, что различные этнические сообщества, которые, веками противопоставляются одно другому и ведут между собою кровавые распри, через столетия выступают уже как одноцельные этнические сообщества в борьбе против новых иных об' единений.

То же самое мы наблюдаем в старине Казачества и украинского народа: чужеродный черноклобуцкий люд и кавказские черкесы совместно с Киевской Русью обороняют державу святого Владимира и его наследников от новых народов — степняков. В конце концов они настолько прослаиваются и пропитываются украино-русским элементом, что теряют свой природный язык сохраняя во внешности и характере многие отличительные черты своих предков.

Об' единение, с течением времени, при помощи общего языка двух кровно враждующих групп, является самым верным союзом, хотя вследствие противоположной антипатии возможен и обратный процесс отталкивания.

Примером служат Швеция и Норвегия, Англия и Ирландия. То же самое можно наблюдать и в процессе борьбы нашего Казачества с российской государственной колонизацией.

Швецию и Норвегию сближают общие экономические и географические условия и язык не менее тесно, чем, например, являются сближенными великоруссы с другими „русскими“ племенами на теорритории быв. Рос. империи, но союз их был не добровольный.

Норвегию отдали Швеции во времена наполеоновских войн и трения между этими государствами существовали постоянно, пока не привели к разрыву. При этом Норвегия не только сбрасывает шведские политические путы, но и те памятники исторической несправедливости, которые много столетий назад были навязаны ей родственным датским народом. Например, древнее название Норвежской столицы — Осло было датчанами пе-

реименовано на Христианию, а теперь норвежцы восстановили старое имя своей столицы.

В борьбе ирландцев с англичанами происходит тот же самый процесс. Ирландцы уже было утратили свой природный кельтский язык и целиком приобщились к англо-саксонской культуре.

Они заняли в Великобритании положение какого-то третьесортного народа, пожалуй, еще худшее, чем казаки в бывшей России. Ирландец в английском понятии был чем то вроде российского пошехонца и, тем не менее, этот вековечный „пошехонец“ не только заставил англичан уважать себя но и добился независимого существования.

Тот же самый процесс государственного и этнического отталкивания происходит и у современного Казачества по отношению к России — Москве, к русскому народу, но в то же самое время у Казачества теперь, как и в далекую старину, продолжает протекать процесс амальгамизации.

Разнообразные этнические элементы тем быстрее и легче психологически сближаются с Казачеством, чем яснее обрисовывается то, что Казачество не заинтересовано в уничтожении естественно-природных особенностей входящей в его государственную семью иноплеменной группы или народности.

Казачество не посягает ни на язык, ни на религию, образ общественной или семейной жизни, на обычаи и культуру народов и, наряду с этим, привтеливает их к своей культуре, передавая им внутреннее содержание Казачества — народоправство, разумную демократичность, основанные стародавней традицией.

Особенно показателен процесс духовного сближения между донскими калмыками и казаками, происшедший всего за 200 лет совместной жизни.

Следует отметить, что ранее калмыки нередко бывали в враждебных отношениях с донцами главным образом на почве добычничества, этого нормального промысла старых времен.

Первый союз донских казаков с калмыками относится ко времени царя Алексея Мих. который удачно был заключен донским старшиной Степаном Разей еще до его восстания. С тех пор в Донском войске уже постоянно пребывают свои „войсковые калмыки“, равно как и войсковые „базовые“ татаре.

Хотя главное ядро Калмыцкого народа, вплоть до Петра I время от времени использовывается Москвой для борьбы с Казачеством, крымцами и куб. татарами, но в отношении Казачества у калмыков наступает перелом и среди донского казачества, в порядке самотека, скоро образовывается калмыцкое ядро в 15000 душ, которое в дальнейшем увеличивается и совершенно втеливается в Донское Войско.

Эти донские калмыки являются выразительным показателем воспринятия казачьего духа в процессе амальгамизации. Они настолько духовно сблизились с донскими казаками, да и вообще с казаками, что попытки присоединить их уже при большевиках обратно к калмыцкому ядру, встретили дружное противодействие со стороны донских калмыков, не пожелавших в административно политическом отношении отрываться отъ казачества.

В СССР вопрос о переселении калмыков с Дона в Калм. Авт. Область был дружно проваливаем на 4 нац. с'ездах и только на 5 м., большинством одного голоса, под недвусмысленным давлением свыше был решен в положительном смысле, но практически переселение произошло только наполовину. Переселились только те кому, в результате минувшей казачье-большевицкой войны, угрожала опасность репрессий со стороны мужичьих хуторов.

Председатель Централ. Прав. (В. К.) Казаков Националистов
Есаул П. Н. Кудинов
Быв. Команд. Войсками Верхне-Дон. Округа

И в эмиграции вопрос о переселении дон калмыков, будучи публично обсужден в специально изданном журнале „Ойрат“ в 1923 году, также вызвал горячий отпор со стороны представителей донских калмыков, как например С. Балыкова, полк. Алексеева.

В борьбе Казачества за независимость с большевиками, донские калмыки проявили такую решительность, единодушие и активность, которых, к сожалению, не оказалось у самих казаков. Они боролись так упорно. самоотверженно, а главное поголовно, как будто бы существование Казачества для них являлось вопросом жизни и смерти всего народа. Например, в отряде Походного Атамана (Степной Поход) в качестве элемента рядового Казачества, первыми влились калмыки станиц Платовской, Граббевской и Бурульской, в которых степняки только и побывали. Так что, если об'ективно говорить, то пальма первенства восстания против большевиков со стороны рядового Казачества на Дону принадлежит безусловно калмыкам.

Перед большевицким нашествием донские кал-

мыки уходили всем округом, всеми семьями, со скотом, с домашней обстановкой и, вперемешку с отступающими частями, прошли всю Кубань, Причерноморье, Крым, неся просто неисчислимые жертвы людьми и имуществомъ.

Степняк по своей натуре, у которого человек считался никчемным, если не умел в чистом поле поймать коня неука, оседлать и поехать на нем, или если с одной плетью не умел пересилить волка, он уже по своему природному духу подходил к казачьей среде.

Со своим буддийским мировоззрением и уважением к старшим и старине, калмык быстро духовно сросся с Казачеством, проявляя такое стремление к народному просвещению, такие черты государственности и чувство общественной солидарности, до которых куда так далеко было мужику.

Казак-калмык, как и вообще казак, никогда во время Великой войны не говорил, что до его дома далеко, а поэтому не нужно воеватъ, как это сплошь да рядом делали „калуцкие“ или „орловские“.

Донские калмыки убедились, что казачий быт и общественная психология соответствуют его патриархальному родовому быту наилучшим образом, что они не теснят ни его веры, ни языка и не посягают на национальные особенности народа. Кочевник монгол быстро превратился в казачьей среде в оседлого хозяина, который на донской почве дозрел до высокой степени гражданского самосознания и общественности.

Его приобщение к европейской культуре шло рука об руку с казачьим. Был ли хотя один уголок в наиболее просвещенной центральной России, где крестьяне так горячо отозвалис бы на открытие среднего учебного заведения, как это сделали калмыки при открытии реального училища в станице Великокняжеской?

Интересно к этому добавить, что калмыцкие дети бедных родителей в Великокняжеском городском и реальном училищах учились на станичные средства. На станичные же средства содержался прекрасный пансион для учащихся девиц с воспитательским персоналом. В обоих училищах содержались на станичные средства два учителя-калмыка—один светский для обучения учащихся калмыцкой грамоте, а другой буд. священник для обучения догмам буддизма. При желании учеников учиться в высших школах, в зависимости от успеха, станичные субсидии обеспечивались до окончания учения. Мало этого — молодые казаки, родители которых не могли бы справить сыну коня, выезжали в полк на станичных конях, а обмундирование каждому целиком выдавалось из станичного цейхгауза!)

Наряду с этой богатой, организованной и культурной жизнью донских калмыков, их же собратья в Астраханской губернии, которые находились под непосредственным управлением русских властей, с каждым годом все беднели, приходили в духовный упадок. наблюдались нередкие случаи перехода калмыков в православие, смешанные браки, отрыв интеллигенции отъ народа и прочие несомненные признаки упадка и вырождения. Вот почему немедленно после революции донские калмыки поспешили ввести всех вообще калмыков в казачью семью, где народу, как они видели на собственном опыте, была обеспечена сносная жизнь с безболезненными есественными процессами.

Отсюда вполне логично и естественно и то, что именно из среды донских калмыков нашлись бескомпромиссные и активные сторонники казачьей государственной самостоятельности, которые вполне справедливо полагают, что в свободном казачьем государстве им будет еще лучше, чем в Казачестве зависимом от России.

Тот же самый процес, те же самые отношения, та же самая теснейшая духовная связь с Казачеством отмечается и у „инородческого“ казачества Терека — осетин, кабардинцев и грузин, пожелавших и после революции оставаться в Войсковом теле, а не отделиться от него по принципу самоопределения народов.

Но не только состояние в Казачестве, а и самое сожительство с ним уже влияют на сближение и взаимопонимание между Казачеством и иными народами.

Как на яркий пример такого взаимного понимания можно указать на кубанских черкесов. Всего каких-нибудь 70 лет назад они не на жизнь, а на смерть воевали с Казачеством—российская имп. политика из народов соседей делала заклятых врагов.

Кончилась Кавказская епопея и Кубанское казачество сумело повести себя так, что между черкесами и казаками сгладились старые недоразумения и установилось самое теснейшее сотрудничество.

С 1917 года черкесы и кубанские казаки везде и всюду выступали общим казачье-горским фронтом, как на поле боя так и в политической жизни. Происходит естественный процесс казачье-горского слияния и взаимного амальгамизирования. Он ведет к взаимному духовному пониманию и сближению, гораздо большему чем было сближение и взаимопонимание казачьего и иногороднего населения Кубани.

Казачья амальгамизация постепенно окутывала и коренное крестьянское, главным образом, украинское население, которое, в свою очередь, приобщалось к казачьему духу. Кубанская Рада перевела ряд селений с коренным иногородним населением на казачье положение и новые казаки оказались не хуже старых.

Вообще, чем культурнее был соприкасавшийся с казачеством элемент, тем скорее он подвергался процессу амалгамизации, одновременно проникаясь казачьим духом и духовно сливаясь с ним.

Мы не можем не отметить и проникновения казачьими интересами коренного крестьянского населения на Дону: Плебисцит в Таганрогском округе, произведенныйь большевиками по вопросу об отделении от Дона, дал 90 процентов голосов в пользу оставления округа в Донской казачьей системе. Большевизм сколачивает донского коренного крестьянина с казаком в одно целое.

Таким образом складывалось и продолжает складываться казачество в единое и целое на всей своей территории, принимая специфический национальный облик.

Повсюду и до настоящего времени мы встречаемся с одним и тем же явлением — формацией новых народностей из разнородных, чуждых одно другому племен и групп.

Споконвечное стремление казачества к сохра-

нению в чистоте демокрaческих форм и древне-казачьей степовой жизни об'единяло в мирном сожительстве, в рамках казачьей государственности, разнородные племенные групы, из которых оно складывалос и ассимилировало их в казачье-национальном духе.

Как когда то неславянские племена делались славянскими, принимая язык и быт (болгары), так и неказачьи элементы становятся казачьими, принимая внутренние и внешние особенности казачьего народа. Языковой вопрос, которому мы уделили особое внимание, не является в казачестве камнем преткновения.

Известный социолог К. Кейллен говорит: „Политическая борьба есть мать наций". И действительно — столетняя война Англии с Францией закончила в Англии длительный процесс слияния разных народностных элементов в одну нацию. Она содействовала образованию собственной английской культуры и сделала язык признаком английской нации.

Вòйны являются великими языкотворческими факторами — в соответствии с указанным выше мы имеем образование французского языка во времена Крестовых походов. Тогда же, во времена Тамерлана, был создан международный язык многочисленных индусских племен „индустани". И кто знает — каким путем Запорожское казачество восприняло язык украинский, а Донское казачество великороссийский, или очень близкий к нему — свое донское наречие, разделяющееся на три „говорки".

Все эти явления мы встречаем и на территориях казачьих войск: господство в начале древнерусского элемента в XI—XIII в. сменяется равноправным союзом, а после — подчинением его кочевникам. Кочевники, в свою очередь, сближаются и об'единяются с древне-русскими (украинскими и придонскими) аборигенами. Казачьи путешествия и передвижения в XIУ—XУI в. — походы на новые места, колонизация и заселение новых казачьих „отечеств" — территорий на Кавказских Гребнях, на Тереке, Яике. Сибири, ведут к новому принятию в себя чужеродных племенных групп и отдельных индивидуумов.

Постоянная кровная связь казаков со степовыми и горскими племенами путем смешанных браков, ведет к большему отрыву от русского (великорусского) народа и, в конце концов, под влиянием всех этих амальгамизационных процессов, на казачьих территориях создается тип того психически и духовно единого казака, который мы имеем сейчас на всех пространствах, обитаемых казачеством. Тип гетерогенный и, во всяком случае, отличный от соседних „русских" племен — своеобразный казачий расовый тип.

Параллельно с формацией физической проходит и психическая формация. У людей, которые живут общественными группами в более или менее одинаковых условиях, возникают одинаковые обычаи, оставляющие свой след в подсознательной психике; такие народы начинают, более или менее, походить один на другого по своим духовным качествам, как раз благодаря общности условий жизни.

Этим об'ясняется возникновение народных или национальных характеров, каковым вопросом в отношении казачества мы и займемся в будущем.

(Продолжение следут).

Проф. Ф. А. Шербина
(Чехослов.)

Пережитое, передуманное и осуществленное.

§ 1. В учебной команде.

Учебная команда Харитона Захаровича собиралась с раннего утра, когда, по мнению учителя, голова у каждого учащегося была „еще свежа". Так было и в день моего поступления в команду. Время, впрочем, было столь горячее, что учебная команда была уже не в полном, а в сильно сокращенном составе. Один учащийся уехал в хутор, другой — на сенокос, третьему нужно было дом сторожить, а четвертому — телят на выгоне пасти и т. д.

В команду явились два сына бывшего станичного атамана урядника Ольховского—Семен и Самсон, пришел внук богача Кушнира — Яким, прибежал внук Харитона Захаровича — Петро Леурда — вот и все. Харитон Захарович подозвал меня и Яцька, дал нам каждому „граматку" т. е. церковнославянский букварь киевского издания, велел сделать из перьев „указки" и присоединиться к собравшейся уже учебной команде. Я направился в команду, но Яцько не захотел идти и упорно повторял: „не піду".

— Через що? — осведомился Харитон Захарович.

Яцько сердито сопел и не двигался с места.

— Та що у тебе, хиба ноги приросли до землі? — сердито прикрикнул отец на непокорного сына. Сказано тобі: іди! і треба іти. А то?! — и Харитон Захарович поднял вверх указательный палец.

— А каша? — задал, наконец, Яцько вопрос отцу.

— От тобі і раз! — всплеснул руками Харитон Захарович. Захаровна, Захаровна! — звал он свою жену—Мотря варила сьогодні молошну кашу?!

Последовал отрицательный ответ, поставивший в большое затруднение Харитона Захаровича и всю его команду. Яцько, как вновь поступающий в школу, не хотел идти в команду без каши. Так велось поступление учащегося в команду. А Харитон Захарович был очень пунктуальный и последовательный педагог, чтобы нарушить правила и обычаи учебной команды.

Дело в том, что по обычаю учебной команды вновь поступающий в ученье ученик должен принести в школу горшок молочной каши на всю команду. Кашу эту с'едали учащиеся, а горшок тут же разбивали. Что означал этот обычай и кем он был установлен, никто не знал этого, но он соблюдался, тем не менее, свято и ненарушимо. И вот,

когда в школу поступал сын самого учителя, не оказалось традиционного горшка с молочной кашей.

О горшке моей каши не могло быть и речи. Я ничего не знал об этом, не знала, наверно, и моя мать или забыла о существовании этого обычая. Но лишенным каши оказался Яцько, которому хорошо был известен обычай, приводивший его в восторг, и которому был заранее обещан отцом и матерью самый большой горшок каши при вступлении в учебную команду, Сама команда должна была, понятно. чувствоватъ, что в ее учебный строй внедрялись непорядки, упущения.

Харитон Захарович все это понимал и чесал затылок. Нужно было на что — нибудь решиться. Старый педагог, чтобы исправить упущение, приказал Захаровне и Мотре немедленно сварить разом на двоих — на меня и Яцька, два горшка молочной каши, а команде в дополнение дал соответствующее поручение — сходить на кладбище за станицей и нарезать там из лозы „березовой каши". Выходило так, что будто бы каждый школьник, вступая в школу, должен был начать учебу с молочной каши, чтобы легче было перейти в трудную минуту на кашу березовую.

Книги и письменные принадлежности были сложены на подоконнике в школе и учебная команда взапуски пустилась за березовой кашей. Целый час прошел пока мы самым рачительным образом ощипывали с чахлого, вытравленного скотом лозняка березовую кашу. Каждый из нас, конечно, хорошо знал, что березовая каша не лакомое блюдо, но добросовестно исполнял данное учителем поручение. Явилось даже соревнование— кто скорее и больше нарежет лозы. Команда хохотала и проказничала, школьники острили и предсказывали, кому из них потребуется березовая каша, но работа велась споро, как нечто должное и необходимое. Я тоже начал входить в роль школьника и стал подумывать, что и в учебной команде есть свои интересные стороны. К довершению общей потехи, перед носом у Яцъка, бегавшего впереди всех, выскочил из под куста заяц. „Зай! Зай! Зай! — заорали мы все разом и так дружно и зычно, что даже собаки повыскочили из ближайших к кладбищу дворов и начали лаять, а мы совершенно инстинктивно бросилисъ догонять перетрусившего зайца, который, конечно, очень скоро скрылся из наших глаз.

Мы явились во двор с лозою. Харитон Захарович в распоясанном подряснике расхаживал по двору, поглаживая то волосы на голове, то бороду. По всему видно было, что он находился в хорошем расположении духа и сам, казалось, ожидал чего-то необходимого и правилам педагогики довлеющего. До нашего прихода он забил в землю два кола и наготовил на расстоянии шагов тридцати от них кучу осколков кирпича. В шагах десяти отъ дома поставлен был длинный стол и на нем были разложены в порядке деревянныя ложки по числу учеников.

—До стола!—скомандовал Харитон Захарович. Мы подошли к столу. Харитонъ Захарович внимательно осмотрел все пучки лоз, выбрал из них три лучших и, обращаясь к Захаровне, стоявшей у дверей дома, сказал ей:

— Оці треба положить під божницю, як поідять хлопці кашу" и положил три выбраных пучка на стол. Остальные пучки лозы Харитон Захарович приказал сложить в кучу вблизи столов.

— Нехай Мотря несе кашу! — обратился Харитон Захарович к Захаровне.

Мотря, со свойственной ей быстротой, пыхтя и отдуваясь, вынесла один за другим, два горшка молочной каши и, поставивши второй горшок на стол, громко испустила: „уф-ф!". . .

— А ото, Мотре, твое, забери! — указал Харитон Захарович на кучу лозы. Мотря, ухмыляясь и чмыхая, чтобы сдержать смех, в два приема перенесла лозу в сени.

Минуты на две или на три воцарилась тишина. Харитон Захарович окинул внимательным взглядом стол, посмотрел в сторону двух колов и кучи камней из жженого кирпича и скомандовал:

— Марш, хлопці, на міста до столу!

Хлопцы заняли места вокруг стола, а меня и Яцька он поставил возле себя и снова скомандовал:

— За ложки!

Мы взяли в руки ложки. Харитон Захарович отобрал ложку у меня и Яцька. Я молча отдал свою ложку, а Яцько не выдержал и завопил:

— я чим же буду істи кашу?

Харитон Захарович слегка треснул Яцька ложкой по лбу со словами:

— Ось чим!

Мы все невольно засмеялись, а Мотря, стоявшая с Захаровной у дверей дома. закатилась своим раскатистым смехом. Снова водворилась тишина чего, видимо, ожидал Харитон Захарович. Тогда, со словами: „Господи благослови!" он зачерпнул моею ложкою кашу из одного горшка и с'ел ее; то же повторил и с другим горшком каши и передал мне ложку. В таком же порядке вручена была ложка и Яцьку. Затем, отступивши шага на три от стола, Харитон Захарович скомандовал: „До каши! Та щоби ні одна крихотка не впала до долу. Чуете!" внушительно закончил он.

Мы принялись за кашу. Горшки были опорожнены и опрокинуты вверхдном на столе в доказательство исправного выполнения учительского приказа. Ложки по прежнему были разложены по столу. Учебная команда стояла и чистилась: один вытирал губы и щеки, смазанные жидкою кашею, другой снимал комки и крупинки каши с рубашки на груди и направлял в рот остатки священного блюда, а третий, поставивши во рту язык колом, старался освободить небо от налипшей на нем каши. Ни одна крихоточка каши, действительно, не упала на землю, ибо хлопцы, упершись животами у окраины стола, роняли комочки каши только на стол, откуда препровождали упавшее в рот.

— Уже? — отрывисто спросил команду Харитон Захарович.

— Уже! — дружно отвечала учебная команда.

— Ну! — распорядился учитель — ти, Яцько візьми один горшок, а ти Федько, другий да ідіть обидва за мною.

Мы в точности исполнили это приказание. Открылось торжественное шествие. Впереди медленно и важно выступал Харитон Захарович, за ним я и Яцько, а сзади нас шествовала остальная учебная команда. Процессия направилась на середину двора к двум колам. Здесь я и Яцько, по приказанию Харитона Захаровича, надели горшки на вер-

хушки забитых в землю колов, а отсюда Харитон Захарович в том же порядке повел нас к куче камней.

Остановившись несколько в стороне от нас, он велел каждому школьнику взять по камню и затем об'яснил дальнейший образ действия: — Коли я скажу: Федько! — ти попадай камінцем у горшок, а коли назову другого — другой попадай! Так усі по порядку!

— Яцько! — послышалась команда.

Яцько швырнул камень, который пролетел мимо намеченного горшка.

— Федько! — снова раздался голос учителя.

Я нацелился, с силой бросил камень и сразу попал в свой горшок. Горшок развалился на две части и упал на землю с кола. Одобрительный крик раздался среди школьников, сам Харитон Захарович воскликнул:

— Молодець Федько! А его похвала покрыта была звонким голосом Мотри, наблюдавшей вместе с Захаровной церемонию расстрела горшков у дверей дома:

— Оцей добре выстрилыв! А шкода, добра була посудина! — говорила она.

Предстояло разбить камнем и второй горшок. Снова началась очередь с Яцька. Яцько опять промахнулся. Не попал на этот раз и я. Горшок висел на колу и после того, как все школьники бросили по камню.

— Ай молодець горшок! — высказывала во всеуслышание свое мнение неугомонная Мотря. — Не хоче з кола падать до долу!

Началась новая очередь выстрелов по горшку. Яцько опять промахнулся. Я сшиб камнем только часть горшка, но горшок висел на колу. Только Лаурда опрокинул с кола и вторую часть расколовшегося горшка.

— Та й то мабуть невзначай, говорили школяры бо він не уміе якслід кинути камінця.

Впоследствии Яцько не раз говорил мне: „Ой, Боже-ж мій!“ як хотілось мені хоч раз попасти в горшок і батя сказали мені: „ах, ти, тюфтій!“ Теперь я учуся шпурлять камінці. Як ще раз трапаться кашу істи беспремінно попаду.“

А же шел от разбитых горшков довольный и польщенный своим успехом Первый шаг в школе пришелся по сердцу бывшему командиру. Я долго и упорно учился бросать камешки вверх и по поверхности воды, подражая старшему брату, искусному в этом спорте, и в совершенстве овладел обоими способами. Особенно преуспел я в бросании плоских камешков по воде. Когда я „перевозив бабу“ такими камешками, то они, прыгая по поверхности воды, делали по семи и восьми рикошетов, что приводило казаков моего отряда в восторг. И вот теперь и в школе пригодилось мое уменье, казалось мне. Такие представления лезли мне в голову и это льстило моему самолюбию. Да и школа казалась не такою уже страшною. Думалось, что и в школе не без удовольствий. Покрайней мере, когда учебная команда была направлена в школу, я шел туда бодро и уверенно.

Не могу не поделиться тут характерным случаем переживания детских влечений. Когда, приехавши в Ниццу взрослым туристом, я немедленно отправился на ее дугообразный пляж и уселся на гравете у самой воды, то, находясь, как бы, в забытьи от нахлынувших на меня впечатлений мощного морского простора, я стал совершенно машинально подбирать камешки и бросать их в море, чтобы они прыгали по поверхности воды, но это не удавалось мне, так как гравет состоял из кругляков и овальных камешков. Появилось своего рода не удовольствие. Я стал тщательно искать плоские камешки и, найдя подходящий, бросил его по поверхности воды. Камешек сделал два рикошета. „Ага“ — невольно вырвалось у меня восклицание. И я поймал себя на этом детском слове. На 79 году своей жизни я машинально проделывал то, чем увлекался в детстве более 70-ти лет тому назад.

Школа Харитона Захаровича помещалась не в горнице, в которой жил он сам, с Захаровной и детьми, а в другой половине дома, в той, где Мотря пекла перепички и варила молочную кашу. Это была довольно просторная комната, в которой зимой жили Мотря, пастух и сроковый работник, а также временно пребывали появлявшиеся на свет Божий телята, ягнята и поросята, а позже и все виды домашней птицы — циплята, утята, гусята, индюшата. Здесь же просушивалась в непогоду мокрая одежа, хомуты, сбруя и войлока и готовилась пиша. Но летом здесь изредка приходилось возиться с печеньем хлеба и сложною стряпнею; обычно же стряпню Мотря производила в сенях „на кобиці“. Сообразно со всем этим менялось и назначение комнаты.

В переднем углу, под образами или „божницею“, под которою к трем большим гвоздям подвешены были пуки лоз, стоял большой кухонный стол. Вдоль стен от него. по обеим сторонам хаты, тянулись наглухо прибитые к стойкам лавки для сиденья. Справа, у входа перед окнами, возвышалась громадная печь „з коміном“. С одной стороны ее устроен был широкий „піл“ из толстых досок, нечто среднее между обширною кроватью и великорусскими „палатями“, откуда можно было взобраться на „теплу піч“, впереди которой висела „жертка“, длинная жердь на веревках для навешивания одежды. С другой, противоположной стороны печи, к стене хаты были прикреплены деревянные полки для посуды, на которых красовались всевозможных видов и форм горшки, котелки, чаны, кувшины и корчаги. Под полками, у входа, на земляном полу или на „долівці“, стояла внушительных размеров помойница, которую Мотря только с кем-нибудь вдвоем могла вынести из хаты. Наконец в углу, между печью и поперечною стеною, построены были в пирамиду ухваты, лопата, чапля и знаменитая кочерга, которою бедовая Мотря, в случае крайней необходимости, учила приличию телят и поросят, а то и работника, пастуха и даже шаловливых школьников, чтобы не лезли туда, куда не следует.

Собственно храмом науки во всей этой обстановке служил большой и длинный стол, хорошо сколоченный из чисто выструганных досок, за которым, при некотором утеснении, могло поместиться до пятнадцати или семьнадцати учеников. Это был предельный состав учебной команды. По несколько раз в день, зимою и в ненастную погоду, стол, из храма науки, превращался в харчевню.

Ранним утром, когда вся семья и рабочий персонал Харитона Захаровича был дома, Мотря кор-

мила на храме всех всевозможною снедью. С позднего утра и до обеда стол превращался в храм науки и был центром, вблизи которого производились воспитательные воздействия каждому „по делом его“. В полдень, когда школьники уходили на обед, за столом обедала вся семья Харитона Захаровича вместе с челядью и обед бывал настолько обилен и сытен, что кто хотел не только наедался, но и об'едался. После обеда на столе вновь велось ученье, или чаще всего ученики писали, а вечером стол в третий раз превращался в харчевню, когда Мотря кормила всех ужином. Вообще в теплые дни осенью, весною и летом на столе процветала наука, раз ученики посещали школу.

В описываемое время май был на исходе, но часть школьников продолжала учиться до Петра и Павла, т. е. до 29 июня. Я и Яцько не знали будем ли мы учиться до этого только праздника, или же Харитон Захарович посадит нас за книги на все лето, так как с осени, в сентябре, решено было везти нас в духовное училище, в Екатеринодар.

Покончивши с церемонией расстрела горшков, учебная команда пошла, наконец, в школу. Старший ученик Яким Кушнир, шестьнадцатилетний парень, высокий и сутулый, с черными вихрастыми волосами, смуглым лицом и крючковатым носом, приказал школьникам занять места за столом, при чем меня и Яцька поместил с краю стола от входа. Почему Яким поступил так с нами, потому ли, что нам, как новичкам, на первых порах требовалось получать раз'яснения непосредственно от учителя, или же в целях представления наших голов и ушей, как ближе других к учителю сидящих, под учительские щелчки и дранье за уши, мы с Яцьком не понимали этого и не обращали внимания на ухищрения Якима. Но хитроумный Яким имел свои виды и не ошибся в расчетах, судя по дальнейшему.

— Коли в хату увійде дяденька (так ученики величали Харитона Захаровича), то ви встаньте — наставлял нас новичков Яким — и не сідайте, поки він не прикаже вам сісти.

(Продолжение следует).

Георгий Федоровъ.

Лабинская — Пятигорск.

В конце августа 1918 года, когда теснимые кубанцами части Красной армии очищали станицы Лабинского отдела, а для комиссаров настала пора позаботиться о своевременном бегстве, я, живя в это время в станице Лабинской, будучи отрезан фронтом от добровольцев, находился в большевицком плену.

Я был ночью арестован вместе с братом и препровожден в помещение Кредитного товарищества, находившегося в доме купца Сурина. Самый арест производил комиссар какой-то большевицкой части, проходившей через станицу.

Это был мужчина высокого роста. довольно плотный, с наружностью, выдающей его нерусскую национальность. За свою густую шевелюру, по модерному расчесанную, он был прозван „волохатым“. Одет он был в темнокоричневого цвета френч; на ногах — краги, с заправленными в них брюками — галлифе.

Ордера на аресты лиц давались председателем местного „совдепа“. Последний, неизвестно откуда взявшийся армянин, известный подъ кличкою „чорт горбатый“ за уродство своей тщедушной фигуры, очень скоро вызвал у многих ненависть за свои демагогические речи и чисто обез'яньи жестикуляции во время их. Он был большой любитель многолюдных митингов, которые, обыкновенно, созывались на церковной площади, в огороженном месте возле двухклассного училища. За свою активность в деле насаждения в станице большевизма, он и был избран председателем „совдепа“.

Перед эвакуацией, чувствовалось что для „товарищей“ настало беспокойное время: за лето гор. Армавир, находящийся в 50-ти верстах от станицы, побывал в руках добровольцев, благодаря чему моему брату, жившему там, удалось перейти на „кадетскую“ сторону. В станицу прибывали на короткое время большевицкие отряды, один из которых был под командою какой-то Маруси, а другой под начальством сына местного владельца маслобойного завода — Петра Ковалева.

Последнего я знавал еще раньше, когда он был в числе учащихся местной мужской гимназии. У него еще тогда была репутация хулигана. Прибытие его во главе отряда случилось дня через два после неудавшегося местного противобольшевицкого восстания, как раз в разгар арестов и самосудов в станице. Поэтому все те, которых ожидал арест и расправа, с надеждой стали взират на заступничество начальника отряда. Особенно это было заметно среди гимназистов, бывших сверстников и приятелей „Петьки“.

С его появлением в станице во главе отряда, карательные действия местных большевиков действительно остановились и уже больше не возобновлялись. А действия эти, надо сказать, были страшно суровые. В одной Лабинской станице, после неудачного восстания, очень многие поплатились головами, даже и те, кто к восстанию совершенно не были причастны. Красная власть уже тогда не разбирала ни женщин, ни стариков, ни даже детей. Гибли преимущественно казаки и интеллигенты. Например, была перебита вся семья наших соседей Пахомовых — отецъ, старик-есаул, мать, сыновья офицеры — Николай артиллерист и Георгий кавалерист, и красавица гимназистка Оля Тюрьма станицы была набита до отказу. Некоторых разрубали на части, а куски развозили в разные места за станицу. От старого отставного полковника, участника еще Русско-турецкой войны, П. Р. Еглевского нашли, некоторое время спустя, только одну голову, которую и похоронили торжественно, по занятии станицы нашими войсками.

Имущество наше было конфисковано, у интеллигенции и казаков забрали почти все платье и белье. Еще хуже было в соседних станицах, ока-

завших упорное сепротивление. В одной небольшой Владимирской станице было убито более 500 казаков, то же самое в Зассовской, Каладжинской, Вознесенской, Чамлыцкой, Константиновской и Родниковской — по Лабинской линии.

Отряд Ковалева, ведший какую-то загадочную политику в отношении большевиков, быстро значительно пополнился тайными и явными „контрреволюционерами“ и сохранил населене от дальнейших репрессий, в нем искали убежища все „подозрительные“.

Наставшее беспокойное время и шаткость положения большевиков подтверждалось и тем фактом, что местный отряд из мобилизованных жителей несколько раз выступал и возвращался из под Армавира. Станица стала охраняться внутренними патрулями, следившими по ночам за порядком в станице, а всякие слухи, переходившие из уст в уста, увеличивали нервность населения.

Мне удалось избежать участия в выступлениях вышеупомянутого отряда благодаря тому, что попросил знакомого судебного следователя Борковского, которого, власти назначили председателем Судебно-Следственной Комиссии по уголовным делам, о принятии меня на должность его секретаря.

В состав этой Комисии, в качестве членов ее, по выбору местного „совдепа“ вошли два незнакомых суб'екта, прежде никакого отношения к судебному ведомству не имевшие. Они были введены для бдения „революционной совести“, для полит. контроля. Комиссия эта была утверждена, но за время своего существования никаких уголовных дел не расследовала. Я, под руководством председателя, был занят приведением в готовность канцелярской части.

„Горбатый“ и „волохатый“ организовали комиссию для набора заложников. Первые дни пребывания под арестом я не знал причины его, так как никаких разговоров по этому делу не слышал, толко ходил слух, что арест произведен благодаря попавшему в руки „совдепа“ списку участников готовившегося местного противобольшевицкого восстания, которое то откладывалось, то назначалось и, однажды ночью, неожиданно началось. Кончилось оно неудачно. Этот слух, некоторым образом подтверждался тем, что производившие ночной арест, придя в наш дом, искали „есаула Федорова“ повидимому того из моих братьев, которому удалось перейти в Армавир к „Кадетам“ и, не найдя его, арестовали другого, младшего моего брата. Потом выяснилось, что они искали моего отца, в 1901 до 1909 г бывшего есаулом и умершего полковником в 1912 году.

Самый допрос производился ночью. За длинным узким столом, покрытым зеленым сукном восседал „революционный трибунал“, состоявший из „волохатого“, „горбатого“, владельца слесарно-механической мастерской В. А. Гудсона и еще нескольких неизвестных мне лиц.

— Вы обвиняетесь в контрреволюционном заговоре против советской власти“ — была первая фраза, которою встретил меня и брата трибунал.

— Кто из вас — есаул Федоров?

— Я не есаул, а хорунжий — отвечал я.

— А вы кто такой? — обратились к брату.

— Я не офицер, а если вам нужно мое звание, то напишите, что Казак. (Он был юнкером Павловского училища, производству которого, имевшему быть 1 ноября 1917 года, помешал октябрский переворот).

— Чем вы занимаетесь теперь? — продолжал трибунал. обращаясъ ко мне.

— Я служу письмоводителем в Судебно-Следственной Комиссии. На физиономиях членов трибунала выразилось недоумение и затем, перекинувшись взглядами так, как будто заранее, все было предрешено, „горбатый“ делая в списке какую-то заметку, об'явил: „В первую очередь“.

После этого за наши спины вновь стал конвоирующий с револьвером и мы были переведены в отдельную комнату, где уже находилось несколько человек.

Тоскливо проходили часы той ночи в безмолвии, когда, находясь в полной неизвестности относительно того, что может случиться каждую минуту, мною овладело состояние подавленности и какой-то притупленности к восприятию дневных явлений. За эти несколько часов в мыслях промелькнули все сознательно прожитые годы, в которых я искал оснований, которых было бы достаточно, чтобы оказаться „в первой очереди“.

Съ точки зрения „пролетарского правосудия“ оснований этих было достаточно: мой отец, умерший в 1912 году, был офицер, служил в этой же станице и, по-долгу службы, был центральным лицом при усмирении беспорядков в 1906 году, во время которых был ранен, наконец я сам — офицер, хоть и военного временни. К советской власти никаких симпатий не чувствовал. Конечно, я был их враг и въ самом благоприятном случае мог быть отнесен в разряд „саботажников“:

С братом младшим было не лучше. Он, хоть по натуре и военный человек, но будучи музыкантом и механиком, в восстании не участвовал. Но имел „прошлое“: участвовал, как юнкер, в защите Зимнего дворца, Павловского училища, 12 раз был под арестом, сидел в Петропавловской крепости и с большими трудностями пробрался на Кубань.

Этой ночью произошел инцидент, оставивший тягостное впечатление: после „революционного суда“, когда все назначеные в „первую очередь“ были собраны в одной комнате, тем же сопровождавшим на допрос суб'ектом был введен в эту же комнату некто П., служивший письмоводителем в канцелярии местной гимназии.

— Посмотрите на эту б... — сказал чекист — вот она донесла на вас, что вы состояли в заговоре. Так смотри же ты — обращаясь к П., сказал он — за что же должны пропадать эти люди?! и, с этими словами, раздались громкие пощечины по физиономии письмоводителя, а затем, продолжая извозчичью брань и повалив его на пол, стал пинать ногами. Когда чекист, натешившись, ушел, первыми словами письмоводителя была просьба не верить тому, что он доносчик и что разыгравшееся — только мистификация.

Проходили часы. Втечение ночи никто больше не являлся; наступивший рассвет придавал бодрость. Днем тоже ничего особенного не случилось; приходил „горбатый“ убедиться в наличности всех. Приходили родные и радовались. что все целы.

Впоследствии нас, арестованных, ночью препреводили под конвоем в местную тюрьму, где, не видя представителей власти, чувствовалось спокой-

нее. Создавалось впечатление, что наш арест и допрос нужен властям для чего-то другого, т. к. если он имел отношение к заговору, то свое решение „в первую очередь", они уже имели возможность привести в исполнение. И действительно, когда настало время бегства властей, то днем мы были отправлены на жел-дорожн. станцию и размещены в товарных вагонах поезда, готовившегося к эвакуации.

Время и порядок на случай эвакуации, видимо, были намечены заранее, так как не было заметно никакой суеты. Во время ожидания отправки поезда была приведена еще группа заложников, в составе которой было большинство жителей соседних станиц. В ней были преимущественно старики-казаки.

Неизвестность будущего угнетающе действовала, но особой подавленности, как после допроса, уже не чувствовалось. Наконец, поезд тронулся. Теперь я не помню точно какого числа это было, но помню, что день был ясный и было время после обеда. В пути иногда присоединялись эвакуирующиеся власти и заложники, но в значительно меньшем количестве.

Прибыв на ст. Армавир, мы заметили, что здес тоже приготовились к эвакуации: составы уже ожидали отправления. Обращал внимание маневрировавший бронепоезд, состоявший из несокльких платформ, слегка огороженных по краям листовым железом, на одной из которых находилось орудие с длинным, задранным кверх дулом. Здесь чувствовалась суетливость и этому, повидимому, способствовал слух, что ожидается налет „шкуринцев" и перерыв сообщения.

Самый переезд был лишен внешнего впечатления, т. к. на каждой станции требовалось закрывать вагоны и, таким образом, мы были скрыты от взоров. Из Армавира поезд отправился в сторону Баку. В пути часто проходил „горбатый", чтобы убедиться в наличности всех заложников. По прибытии на ст. Минеральные Воды, поезд переменил путь следования и дальше отправился на Пятигорск, где нас и высадили. Со станции нас под конвоем отправили в город, в какой-то бывший отель, ныне обращенный в концентрационный лагерь заложников. Окруженные конвоем, мы следовали пешком по городу; нас сопровождала толпа любопытных, откуда, время от времени, раздавались вопросы:

— На каком фронте захватили?

От бывшего отеля, после реквизиции его большевиками, конечно, осталось телько одно громкое название. До нельзя загаженные помещения, отсутствие мебели, темнота и вонь уже вполне выдерживали стиль большевицкой тюрьмы.

При передаче нас властям концентрационного лагеря, я услышал фразу, которой выражалось неудовольствие по поводу того, что состав нашей группы резко разнится от тех, которые до этого находились в лагере. (Тут, оказалось, содержалась самая столичная знать, курортная публика, много титулованных особ). Местная администрация также нашла, что группа наша чрезмерно велика. Наша станичная советская администрация, при отправке нас, видимо, переусердствовала: слишком много забрали заложников, ничем не выдающихся по своему общественному положению.

Разделив нашу партию на группы, нас распределили по номерам и в том из них, куда вселили меня и некоторых из привезенных, уже находилось несколько человек „старожилов". Брат попал в другой номер, но скоро перевели его к нам, удовлетворив мою просьбу. Вообще здесь не было той злобной придирчивости со стороны власти к заключенным. Это потому, вероятно, что здесь власть не имела столько свободного времени, как власть станичная. У дверей в коридоре стояли часовые с винтовками, но они совершенно не интересовались тем, что делают их поднадзорные, которые свободно обменивались мнениями и свободно ходили по комнате.

Моими соседями, рядом с которыми я и брат расположились на полу, были два интеллигента, одетые в штатскую одежу. Один из них был среднего роста и выглядел несколько осунувшимся, пожилым и искушенным в жизненной борьбе человеком, а другой — вышесреднего роста — только что вышедшим из юношеского периода жизни молодым человеком. Их физиономии выдавали не коренное русское их происхождение. Кроме них, некто одетый в военную форму защитного цвета, интеллигентный, пожилой господин высокого роста обращал на себя внимание тем, что избегал вступать в разговоры и держался особняком. Он, как там говорили, был интендантом. Остальные ничем не выделялись и несколько странным казалось присутствие в исключительно мужском обществе одной только дамы, тоже немолодой, о которой ничего узнать не пришлось.

Все это общество, за малым исключением, по отношению друг к другу, повидимому, было совершенно чуждым, так как редко кто-нибудь беседовал о чем-либо; каждый был занят своими мыслями.

— Вы, вероятно, офицер и вас захватили в плен? — приветливо и тихо спросил меня мой пожилой сосед.

— Да, я, — офицер, но меня вывезли из нашей станицы. Советские власти арестовали меня и брата и еще некоторых, обвинили в контрреволюционном заговоре, а затем, эвакуируясь сюда, вывезли и нас. Только я не знаю, что представляет собою это помещение: находится ли здесь Чрезвычайная Комиссия или что другое?

— Это концентрационный лагерь заложников — отвечал он.

— Разрешите узнать — с кем честь имею говорить?

— Я — Радко — Дмитриев. Генерал. Вы, вероятно, обо мне слышали, а это мой сын — указывая на молодого человека, сказал генерал.

— Как же, Ваше Высокопревосходительство! Я, будучи во время войны на Кавказском фронте, слышал достаточно о вас — ответил я, немного смущеный тем, что перед столь известным генералом держал себя так свободно. Обстановка стирала грани.

— Не боспокойтесь, не беспокойтесь! — поспешил он успокоить меня, заметив это.

— Разрешите узнать: здесь тоже и по ночам водят на допрос?

— Нет, здесь этого на делали. Мы — в концентрационном лагере и представляем из себя заложников. Прежде приходилось бывать на допро-

сах, на которых всего бывало. В какой части вы служили во время войны и где?

— Я, как кубанский казак, служил во 2-й пластунской бригаде у генерала Букретова, а бригада входила в состав 6-го Кавказского армейского корпуса, командиром которого был генерал лейтенант А. . . В последнее время бригада находилась за Эрзерумом. . .

— Ваша фамилия?

— Я — хорунжий Федоров.

— Ну, Бог даст, все окончится благополучно. Не падайте духом. Мы здес уже не первый день и пока ничего особенного не случалось.

Таково было мое первое знакомство с известным генералом, трагически погибшим через пару недель. С генералом я с братом беседовали не раз все больше о житейских делах и о прошедшей войне. Сын его все время держался особняком и не проявлял охоты заводить знакомство. Также особняком держались и остальные, как потом мы узнали — преимущественно питерские аристократы.

Мой брат, до перевода в нашу камеру, жил несколько дней в одной комнате с другим известным генералом Великой войны — Рузским, маленькую, сухощавую фигурку которого я не раз видел. Познакомиться ближе с другими не удадось, скоро переменился комендант лагеря и отношения стали худшими: нас запирали, не давали встречаться и разговаривать.

Втечение нескольких дней, проведенных вместе, никаких эксцессов не производилось и казалось что здесь будет более спокойная жизнь, чем в станице. Изредка приходил кто-нибудь из комиссаров и, взглянув на свои жертвы, не вдаваясь в расспросы, уходил обратно. Мирно стоял у двери часовой и тишина нарушалась только разговорами, которые вели между собою заключенные, при том я не мало был удивлен, когда нисколько не смущаясь присутствием часового, вели разговоры о государе и каком-то параде, на котором он присутствовал. Что касается сына генерала Радко—Дмитриева, то этот совершенно не разговаривал со мною казалось, что он сознательно избегает разговоров.

Общество это не могло привыкнуть к условиям своей жизни настолько, чтобы совершенно игнорировать их, а потому, чтобы отвлечься, или делились воспоминаниями из прежней жизни. или молча сидели на своих местах на полу, погруженные в свои невеселые, преимущественно, мысли. Разговоры были редки, т. к. за время продолжительного сиденья в лагере каждый успел выговориться. Но утверждать, что самочувствие у них было особенно подавленное нельзя, ибо вера в перемену положения в лучшую сторону не угасала. Дни проходили однообразно, тоскливо. Хмурое осеннее небо, сырость, грязь, полутьма в помещении, спертый воздух не способствовали хорошему настроению.

Попросив разрешения выйти в корридор, я увидел стоявших в нем и куривших папиросы своих станичников.

— Говорят, здесь находятся такие генералы, как Рузский, Радко — Дмитриев? — тихо спросилъ один из них, обращаясь ко мне.

— Радко — Дмитриев с сыном находится в одной комнате со мной, а Рузского я видел — отвечал я.

— Ну, что? Как они?. . .

— Так же, как и другие. Они в штатских костюмах и если бы генерал не назвал себя, то не подумал бы, что это-он, хотя его лицо и обращало на себя внимание:

— Не рассказывал, где его захватили?

— Нет.

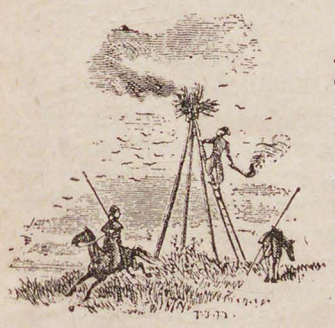
— А там, где я сижу, говорили, что где — то на группах.

Нужно было расходиться, чтобы не обращать внимание сторожей и разговор наш на этом прекратился. Сидя в однообразных условиях, в одной и той же комнате, я не мог собрать больше материала о жизни концентрационного лагеря, к тому же душевное состояние было таково, что внешние впечатления слабо воспринимались.

Пребывание мое в этом лагере было кратковременным: через несколько дней после нашего заключения, в комнаты заходил кто-то из властей и приказывал всем, вновь прибывшим с Кубани, выйти во двор. Когда наша партия вся вышла на двор и построилась в ряд, вышло и начальство лагеря. Тех комиссаров, которые были в нашей станице. при этом не было. Затем, вызывая по списку каждого из нас, комиссары оценивали по внешнему ви, ду степень пригодности быть заложником. Из тех кого находили подходящим, составляли одну группу, а из остальных — другую. Оценка эта производилась исключительно на голаз и никаких вопросов при этом не задавалось.

(Окончание следует).

СПОЛОХ

Казачий сполох

. . . Ввысь взметнулось огненное пламя
Сникла с жару сгибшая ковыль.
Всполохнулось сполохом заревое знамя
Трепыхнула бурей огненная пыль. . .

И пожар зажегся от края до края
По широкой степи зыблятся огни.
В отсветах сполохов реки обогряя
К мщенью и крови вопиют они.

Под небо метутся искры огневыя
Чтоб зажглось и небо от того огня,
Чтоб в аккорде бури искры молневыя
Прогремели громом, смертию разя . . .

Пусть костлявый всадник, с огненной косою
На коне безшумном, унесется вскачь
Чтоб земля не всплакала кровяной росою,
Пусть над степью стихнет неуемный плачь.

А от грани к грани молнией несется
О насильи вражьем огневая весть.
И в ковыли зреет и на битву рвется,
Отомстить за Волю, пик казачьих месть.

Болгария

А. Тавлинцев

Ник. Гулый. (Чехословакия)

Восстание казаков на Таманском полуострове в мае 1918 года

(окончание).

Первое, что я услышал, так это зычный голос блаженной памяти вахмистра Петра Шамрая: „Выходи строиться!“. Дальше — возгласы: „Строиться! Строиться! По коням!“ Все сразу как-то оживилось с подачей команды: „Строиться!“, как бы найдя выход из создавшегося положения.

Разделив пеших казаков на две группы, одну из них я отправил на Пересыпь в распоряжение сотника Савченко, другую, под командой вахмистра Шамрая, на косу со стороны Ахтанизовского лимана.

Между Пересыпом и лиманом, где Шамрай должен был занять позицию, вклиняются непроходимые плавни (болота, заросшие камышами) шириною в две версты.

За отсутствием командира батареи сотника Волошина, очутившегося в Тамани, за 35 верст от Ахтанизовской, я приказал его заместителю, подхорунжему Буринскому, к утру иметь на позиции оставшиеся в исправности два орудия.

Так как со стороны товарищей до утра не предполагалось никаких неожиданностей, то отсутствующих офицеров я не хотел вызывать на места, дабы они отдохнули после бессонной ночи и напряженного боя в течение 14 часов дня, в котором они вынесли огромное напряжение, следя за боем, поддерживая дух казаков, для чего „безрассудно“ бравировали под обстрелом противника, проявляя величие и красоту казачьяго духа.

Утром 19 мая офицеры были на местах и фронт был восстановлен. На следующий день 20 мая, по приказу из Тамани в мое распоряжение прибыла сотня старых, сорокалетнего возраста, казаков-старотитаровцев. Прибыла и сотня фанталовцев.

Здесь, на новой позиции, мы продержались 6 дней, до 25 мая. В промежуток этого времени, между командованием таманских войск, представителями общественности полуострова и немцами завязались оживленные переговоры: посылались в Киев телеграммы фельдмаршалу Эйхгорну, в Берлин — императору Вильгельму, с просьбой о высадке войск на Тамани.

С немецким командованием в Крыму была установлена тесная связь. Тамань навестил немецкий офицер лейтенант Гессе (говоривший по русски), который потом и был посредником между Таманью и немецким командованием.

Немцы стали отпускать нам русские снаряды и патроны, но как-то в ограниченном количестве, что вызывало у нас недоумение. Дали даже два орудия, но командированные за ними штаб офицеры должны были собирать части для этих орудий в разных городах Крыма. Материальная помощь немцев становилась сомнительной.

В результате переговоров с немцами, их командование в Крыму отдало распоряжение о высадке войск на Тамани. В Керчи были погружены боевые припасы и обозы на баллиндеры и мелкосидящие суда; неоднократно грузились на суда и снимались обратно солдаты и кони.

Немцы уверяли нас, что от высшего командования есть распоряжение об оккупации полуострова и что окончательного распоряжения можно ожидать каждый час.

Однако проходили часы, дни, а дессанта все нет. Между тем, большевики на наш фронт стягивают тысячные банды, вооруженные до зубов, десятки орудий с обилием снарядов к ним, в противовес десяти пушкам на всем нашем фронте, незначительному количеству снарядов к ним и явно несоответствующей численности полувооруженых казаков. Ясно было, что казаки не выдержат натиска большевицких банд, в случае ликвидации ими нашего фронта, все казаки обречены на истребление т. к. путей отсутпления нет: в тылу — море и никаких плавучих средство.

Единственная надежда оставалась на немецкий дессант, чему многие из нас как-то фатально верили. Отпуск немцами патронов и снарядов давал нам огромную моральную поддержку и веру в обещание немцев оккупировать остров,

Однако, с течением времени, штаб войск, ведший переговры с немцами, стал сомневаться в обещанни немцев, о чем нам, фронтовикам, уже делали намек на этот счет. С нашим отступлением под Ахтанизовскую оживилас деятельность большевиков на Старотитаровском фронте. Ежедневно происходила ружейная и артиллерийская перестрелка. Несколько раз большевики пытались там прорвать фронт, но терпели неудачу. Старотитаровцы по всему фронту занимали командную высоту и стойко держались на ней.

В данном случае, с нашим отходом к Ахтанизовской, обстановка для „товарищей“ резко меняется: теперь им выгодно прорвать фронт под Ахтанизовской, т. к. этим они вынуждают старотитаровцев отойти верст на 20 в тыл своих позиций, оставив и Старотитаровскую, а в худшем случае, если бы большевики, прорвав наш фронт, не задерживая в Ахтанизовской части своих сил, послали бы их на перерез старотитаровцам, последние могли быть и отрезаны. Кроме того, на Ахтанизовском участке „товарищи“ занимали командную высоту, предоставляющую все выгоды для использования ее их мощной артиллерией.

В течение упомянутых 5 дней на Ахтанизовском участке также ежедневно происходила ружейная перестрелка. Ежедневно „товарищи“ обстреливали нас из артиллерии, не забывая каждый день послать десяток снарядов по Ахтанизовской, главным образом на церковную площадь.

По всем признакам было видно, что большевики имено здесь готовятся к прорыву фронта. По ночам у моста сваливались доски для настилки последнего, т. к. устои и ферма моста были железные, а настилка деревянная, незначительная часть которой сгорела. Между ближайшими рыбачьими хатами по берегу моря появилась масса рыбачьих байд, пригоняемых ночами из Темрюка и Голубицкой.

Это „товарищи“ готовились для переправы через гирло, помимо использования моста, а может быть и для того, чтобы высадить части в нашем тылу с моря. Надо было установить бдительное

Гавриил Ивановичь Чекунов.
Казак Станицы Краснокутской Хутора Орлова Верхне — Донского Округа. Герой пленения Подтелкова.

наблюдение на расстоянии нескольких верст по берегу моря; кроме того, необходимо было вести наблюдение по берегу Ахтанизовского лимана, заканчивавшегося в нашем глубоком тылу, т. к. в Темрюке было достаточно плавучих средств для перевозки любого отряда.

Людей для этого у меня было мало, поэтому я просил штаб прислать мне подкрепление из вышестеблиевцев и таманцев, т. к. и те и другие, за исключением единоличных казаков, отсутствовали на фронте.

24 мая к нам пришла пешая сотня вышестеблиевцев, вся без винтовок, хотя винтовки в их станице безусловно были по дворам и их хватило бы не на одну сотню. Я по телефону запросил винтовки из Тамани. Мне пообещали их, но ждать прибытия винтовок надо было 4—5 часов.

С сотней явилась и „делегация“ в составе двух урядников — Якименко и Стеценко — и студента Ивана Коломийца. Эти три негодяя — главные виновники разложения станицы и шпионы в пользу большевиков. Впоследствии, первые два перебежали к большевикам, а студент Коломиец, удовлетворившись большевизмом, повесился в 1921 году.

Мне пришлось иметь дело не с сотней, а с этими „делегатами“, от которых зависело — будет ли сотня нам в помощь или нет? От такой сотни нельзя было ожидать толку: наглые рожи, наглые вопросы, вроде: „Яка ваша программа?“

Из разговоров с „делегатами“ не похоже было, чтобы сотня отправилась на фронт, даже винтовки выдавать ей было рисковано. Переговоров с „делегатами“ я не выдержал: вытолкал их в шею и приказал сотне немедленно убраться с моих глаз.

Сама Вышестеблиевская „держала нейтралитет“. Да мало того: отправленные мною туда пленные „товарищи“, 13-го мая взятые под Запорожской, не содержались под охраной, а были расквартированы по дворам и содержались как „дорогие гости“, с предоставлением полной возможности желающим переходит обратно к своим через Килташский лиман.

Расчет вышестеблиевцев был таков: на случай ликвидации Таманского фронта не нести ответственности перед болшевиками, в лице своих „гостей“ имея заступников. Правда, нельзя обвинят огульно всю станицу: лучшая часть ее населения, которая была даже в большинстве, находилась в зависимом положении от митинговой части населения.

Вечером того же 24 мая большевики произвели из артиллерии обстрел нашей позицин, закончив стрельбу по линии фронта. На этот раз можно было предположить, что это была пристрелка орудий на ночь и со стороны „товарищей“ надо было ожидать решительных дейсвий. Оказать сопротивление их массе и их артиллерии свыше 20-ти орудий мы не могли, имея у себя два расшатанных орудия, из которых нельзя было сделать пристрелку хотя бы по мосту вследствие падания снарядов в разных местах при одной и той же наводке.

В ночь на 25 мая с моря потянул туман, что лишило нас возможности наблюдать за взморьем на левом нашем фланге и впереди за гирлом, а также можно было ожидать „сюрпризов“ на стороне нашего правого фланга, где плавни не были отделены от нас протоком, впадавшим в гирло. Однако, необходимость заставляла нас находиться здесь, „в мешке“, чтобы использовать гирло, как одну из наивыгоднейших преград.

В два часа той же ночи, по данному большевиками у моста сигналу посредством ракет, с их стороны раздались выстрелы из орудий и через несколько секунд, через гирло, по всему фронту по нас был открыт беглый огонь и невероятная трескотня из винтовок и пулеметов. Это был какой-то огневой шквал. Артиллерия развила такой огонь, что вся площадь нашего небольшого участка, шириной в 800—900 шагов, была буквально покрыта снарядами и как днем освещена ими. Столбы песка засыпали окопы. У многих казаков, вследствие загрязнения песком затворов, отказались действовать винтовки. Эта стрельба продолжалась около десяти минут. За мостом опять взвилась ракета и вмиг стрельба прекратилась. Послышались крики „ура!“ двинувшей по мосту лавины „товарищей“. В этот же момент на взморье к берегу налетела сотня байд, откуда также с криками „ура“! на берег выбрасывались „товарищи“, отрезавшие передовую цепь, казаков, защищавших мост и гирло.

Но благодаря исключительной предутренней темноте, казаки смешались с „товаришами“ и в этом гвалте „друг друга не познаша“, для чего, чтобы скрыть себя, казаки побросали и попрятали шапки. Эту мысль успел подать выдающийся по храбрости сотник Савченко, находившийся в передовой линии.

Благодаря темноте, вторая линия, расположенная на значительном расстоянии от гирла, из боязни перестрелять своих, не успевших отойти на эту линию, почти бездействовала. Из второй линии казакам было приказано отходит к станице. Казаки первой линии и сотник Савченко, вместе с большевиками, благополучно добрались до виноградников, лежащих на пути к станице и там, в одиночку и группами, успели отделиться от „товарищей“ и привели с собою двух матросов и двух босяков пленными.

Нехватало только шести казаков, из которых пять были убиты у моста и один без вести про-

пал. На второй линии остался убитым фонталовец Порфирии Орел. Здесь — штришок, отметит который считаю уместным. По прибытии на фронт фонталовской полусотни меня заинтересовал находившийся в ее составе казак в возрасте лет под шестьдесят. Это был типичный черноморец; на ногах — „постолы“, по всему видно, что из бедняков. На мой вопрос:

— Почему явился на фронт? — отвечал, что пришел вместо сына.

— Воно — молоде, дурне, а я — старий пластун, та ще й к тому — охотник, та й папашу вашого, царство йому небесне, добре знав“.

Последними словами казак Орел хотел выразить какую-то мысль, чем очень растрогал меня.

Вот что передали очевидцы о Порфирие Орле-Во время ухода казаков с позиции, на линии которой уже появились большевики, видели „як дід Орел сидів на вербі“ и добросовестно стрелял в „товарищей“ и не безрезультатно. Несколько человек большевиков окружили вербу, расстреляли на ней Орла, который свалился на землю и в которого „товарищи“ с остервенением всадили десяток штыков.

К рассвету казаки были у станицы, но удержат их всех на подступах к последней не было возможности: казаки вышли из подчинения; в одиночку и группами они стали разбегаться по домам. Учитывая в этот момент всю обстановку, мне было понятно, что уходившие казаки вовсе не намерены были покидать, фронт, но было ясно, что натиска большевиков нам тут не сдержат и что озверелые толпы ваньков и китайцев ворвутся в станицу. Поэтому каждый хотел помочь своей семье выбраться из дому и, что успеет, спасти из имущества.

Однако, часть казаков на окраине станицы была остановлена, дабы хоть на некоторое время задержать наступающих большевиков. Население станицы не было подготовлено к этой неожиданности и прорыв нашего фрона застал его врасплох, когда почти все еще спало. Поэтому лавину „товарищей“ необходимо было хотя бы на час, на полчаса, задержать под станицей, дабы дать возможность населению выбраться из станицы, иначе все казачье население неминуемо было бы подвергнуто истреблению.

Сознавая значение задержки большевиков под станицей, как бы пожертвовав собой и семьями, нуждавшимися в эти минуты в их помощи, казаки отчаянно защищали окраину станицы, пока „товарищи“ не стали врываться во дворы и улицы.

„В станице в это время поднялась страшная суматоха, т. к. кроме аттаки „товарищей“ на станицу, последняя была подвергнута беглому артиллерийскому огню. Жители наскоро складывали скарб на подводы, со двора выгоняли скот для угона с собой и, часто попадая под шрапнель, бросали все это. Обезумевшие женщины и дети, многие в ночном белье, мотались по улицам, направляясь на западную сторону станицы, откуда дорога ведет к Тамани — путь к отходу.

Многие попали под ружейный огонь „товарищей“. Было много раненых и убитых. В числе убитых был отец штабс-капитана Чабанца. Среди казаков, защищавших окраину станицы, было убитых семь человек, в том числе лучший урядник-герой Саракамьша-Трапезунда, георгиевский кавалер Терентий Бабич.

Ворвавшиеся в станицу „товарищи“ подожгли первый попавшийся под руку дом; этим они дали знат своим в тыл о взятии станицы и как сигнал о прекращении артиллерийского огня. Подожженный дом принадлежал казачке Путаревой, муж которой был убит под Эрзерумом.

Наша полубатарея находилась на западе от станицы, на горе у сопки т. наз. „Блевака“ и обстреливала „товарищей“, подобно саранче надвигавшихся на станицу с северо-восточнй стороны ее. Эта полубатарея обозначала собой сборный пункт для казаков.

Проходя через станицу, все они, кто прямо с позиции, кто со двора помогши семье выбраться из дому, сбегались на гору к батарее, где сразу составляли взводы и сотни, для оказания прикрытия уходившим жителям станицы и занятия позицин на следуещем пункте.

Едучи через станицу по главной улице, я в центре ее свернул в боковую улицу к своему дому узнать — что с моей семьей? Будучи занят фронтом, я не вспомнил, чтобы отправить посыльного предупредить семью о случившемся и приказать о немедленном уходе ее из дому.

Дома застал жену с двумя детьми, которая была так растеряна, что не знала что ей предпринимать Все окружающие дворы были покинуты жителями, семью не к кому было пристроить; поэтому жена моя могла взять с собою одного ребенка на руки другого за руки и еле успела бежать за станицу, где казаки подобрали ее на подводу.

Своевременно эвакуировать я семью мог бы, но не хотел этого делать, дабы не вносить демонализацию в умы населения, часть которого была со мною на фронте, а остальное, все что могло, вплоть до детей школьного возраста, ведших наблюдение по берегам Азовского моря и Ахтанизовского лимана, помогало фронту.

Из станицы я выехал за сопки к собиравшимся там казакам. Приказал Яновскому отводить их к Таманскому заливу, указав пункт остановки. Сам потом с'ехал вниз на широкую дорогу, ведущую к Тамани, по которой, ввязая в грязи, после проливного дождя, выпавшего накануне, ползли подводы, груженные домашним скарбом; рядом с подводами старики и казачки. кто успел захватить с собой, гнали скот и овецъ по высоким хлебам.

Проезжая вереницы этих беженцев (к слову сказать, это были первые беженцы перед началом всех ужасов, пережитых впоследствии населением юга России), я совершенно не видел враждебных взглядов или упреков по моему адресу, как одному из виновников разыгравшихся событий и их последствий. По взглядам, провожавшнм меня, скорее я мог видеть просьбу в защите и вопрос: „Что же дальше нас ожидает?“ В разговор никто не вступал, т. к. были и напуганы и снешили уходить как можно скорее.

О прорыве нашего фронта я сейчас же дал знать в Старотитаровскую, а это означало, что старотитаровцы должны были немедленно оставить позицию и спешно отойти в сторону Тамани на линию, занимаемую моим отрядом. Промедление отхода старотитарсвцев грозило тем, что „товарищи“ заняв Ахтанизовскую, могли отрезать путь отсту-

пления старотитаровцам, пройдя по косе Хреевой между Ахтанизовским лиманом и озером Яновского.

Отойдя к Таманскому заливу, десят верст от Ахтанизовской, я занял новую позицию между заливом и озером Яновского. Здесь фланги защищены от обхода, но расстояние позиции четыре версты, чему не соответствовала численность моего отряда, состоявшего из трехсот с лишним человек при двух орудиях.

Во время нашего отхода от Ахтанизовской, „товарищи“ не преследовали нас, а только их конные раз'езды вели наблюдение за нами. В этот день и на другой „товарищи“ особых действий против нас почти не предпринимали, так как были заняты Ахтанизовской и лежащими в стороне Запорожской и Фонталовской, со множеством богатейших частновладельческнх хуторов, были заняты „выгрузкой“ добра, накопленного беспримерными хозяевами, какие были у нас на Кубани.

Вслед за отходившими старотитаровцами, „товарищи“, стоявшие против них, заполнили Старотитаровскую и Вышестеблиевскую. В Старотитаровской большевики расстреляли несколько человек казаков, зарубили тесаками бывшего атамана Мартыненко, произвели „художества“ по части изнасилования женщин и очистки сундуков, как это и полагалось у них.

В Вышестеблиевской „товарищи“ не особенно бесчинствовали, т. к. эта станица была „лойальна“ к ним, а подлежавшая истреблению часть казаков ушла из станицы и поплатилась только своим добром.

Совсем иначе дело обстояло в Ахтанизовской. Ворвавшись в станицу, большевицкая орда стала хватать и расстреливать случайно оставшихся казаков, начала грабить дома, насиловать женщин, среди которых больше всех пострадали две интеллигентные дамы (жены священника и диакона); одну насиловали восемь китайцев на глазах мужа, другую — ваньки, в числе 12—15 человек.

Разгромили стан. правление, кредитное товарищество, лавку общества потребителей, „похозяйничали“ на почте, погромили церковь, забрав деньги и все ценное в ней и сожгли даже церковную летопись — единственный и интересный документ, в котором записывались важнейшие события в станице на протяжении свыша ста лет.

Мой дом, очевидно, больше всего интересовал „товаришей“ от него остались одни голые стены. Разграбив что нашли нужным, остальное перебили, переломали, разнесли в щепки двери и окна, потрудились даже выворотить дверные и окончые коробки.

Со дворов красноармейцы выносили ячмень, пшеницу, высыпали на улицах и сгоняли свиней для кормежки (очевидно, говорили: ешьте, товарищи, ноне на нашей улице праздник! Во многих дворах натягивали веревки и на шпагат вешали цыплят, утят и гусят, ради потехи, предварительно вымазав их в болтушку, сделанную из муки. Каждый, кто как мог, проявлял свое пролетарское „искусство и художество“.

К утру 26 мая, на другой день по занятии станицы большевиками, на берегу лимана под станицей появились сотни рыбачьих байд. Это рыбаки темрючане явились за добычей. Преобладали люди старшего возраста, т. к. молодежь еще с января была занята войной с „куркулями“ за советскую власть. На байды сносили зерно, муку, поросят, ягнет, овец, птиц, домашнюю рухлядь и вывозили в Темрюк.

На ночь, ради мер предосторожности, советское войско располагалось поротно во дворах, для чего с целого квартала сносили в один двор перины, подушки, одеяла, кожухи и прочее, на которых „товарищи“ лежали в сапогах и амуниции.

Отойдя на новую позицию, я к вечеру того же дня получил из Тамани две подводы патронов, два орудия, четыре подводы снарядов и два ракетных револьвера с патронами к ним. Это был подарок от немцев. В виде утешения получил и очередное известие о том, что немцы каждый час могут направить на Тамань свои войска. В этом, собственно, и было наше спасеиие. но в обещание немцев стали терять веру, т. к. это тянется уже две недели.

26 мая из Тамани ко мне прибыла сотня, дезертировавшая из Голубицкой, во главе с хорунжим Калениченко, из полковых писарей. Лучший материал Тамань не могла дать, т. к. он составлял заслон против Анапы на косе Бугаз и Черного моря, откуда большевики могли выйти в тыл всему нашему фронту и самой Тамани.

Учитывая явно несоответствующую в отношении противника численность казаков, их физическое и моральное состоянии после 8 дней боев и наши убогия технические средства, я решительно стал просить штаб дать исчерпывающий ответ на счет немецкого дессанта, т. к. заметил, что штаб чего-то не договаривает и скрывает от меня истину положения.

На что мне ответили: „Не лучше ли было бы Вам самому переговорить с немцами? Этими словами штаб сразу расписался в своей беспомощности, что произвело на меня весьма удручающее впечатление. Тогда я попросил соединить меня по телефону с немцами, чтобы самому узнать из первоисточника, и в зависимости от ответа немцев, соответственно действовать, т. е. или до последних сил держаться против „товаришей“, или заботиться об обзаведении плавучими средствами и о немедленной погрузке казаков для отправки в Крым, а оттуда на Дон т. к. нам стало известно, что немцы под Ростовом и часть Дона уже очищена от большевиков.

Продалжение следует

На хлестаковщину Макаренко-Билого.

Письмо г-ну Милькину не писал С. А. Тыщенко, что хорошо известно, как Билому, так и П. Макаренку, который заполучил его от Милькина. Писал его, с разрешения С. А. Тищенко, употребивши собственный концепт и стиль письма я, Г. Л. Еременко.

Припиской „бывший член Куб. Рады“, я был введен в заблуждение не С. А. Тищенко, который никогда не выдавал себя за члена Рады и, с которым я на эту тему никогда не говорил, а П. Макаренком, который мне эту всегда твердил в годы, когда Тищенко был членом правления об-ва Кубанцев в ЧСР. Только потому я считал С. А. Тищенко бывшим членом Кубанской Рады и если в этом есть хлестаковщина, то Макаренко и Билый, роль самого Хлестакова разделили между собой.

Братислава, 23 окт. 1935 г. Г. Еременко.

К. М. Киреев — (Болгария)

К истории востания Верхнедонцов

1919 год. На 1 февраля назначена была сессия Большого Войского Круга. Члены Круга должны были сделать по округам Окружные Совещания и подготовить свои окружные дела для рассмотрения их на Войсковом Круге.

Наш Верхне-Донской округ назначая это совещание на 6-е января. Когда приехали некоторые члены круга на это совещание, то в нашем округе уже шли митинги под руководством вахмистра Фомина. Окружные власти были бессильны остановить нахлынувших красных. Поэтому наш окружной с'езд был отложен на 27 январи и должен был состоятся в Новочеркасске.

Мы с моим коллегой, который жил на 11 верст ближе к станции жел. дороги, уговорились, что я к нему приеду 24 января и у него будет готова обывательская подвода для доставки нас на станцию.

21 января пулеметы уже трещали по правую сторону Дона. Я упрашиваю своего коллегу выехать 22 января, но он заявил мне, что раньше 24 не выедеть, ибо он надеется, что полковник Исаев с своими осетинами разобьет большевиков.

Тяжело было ждать эти два дня, но делать было нечего, тем более коллега начал подтрунивать надо мной, называя меня трусом.

Рано утром 24 января запрягаю коня, забираю кое какие вещи, и жинка везет меня к нему. Когда в'ехали в хутор, который состоял наполовину из казаков и наполовину из хохлов, там уже творилось столпотворение Вавилонское; шла эвакуация полным ходом.

Обывательская подвода, конечно, нас везти отказалась. Я растерялся, да и коллега мой говорит — „незнаю, что и делать?“ Тогда я предлагаю ему свой план: „Оставляю у тебя мой багаж; еду домой обратно, запрягаю других моих пару коней, найму в кучера соседа иногороднего и он нас довезет до станции на моих лошадях“.

Предложение мое было принято. Сбросил я все и быстро помчался домой. К моему возвращению по нашему хутору уже было оповещено. чтобы все население вышло встречать большевиков с хлебом-солью.

Вижу — идут старики и посматривают на меня, а я не обращаю, будто, на них внимания и еду прямо к моему соседу иногороднему (он кучеровал) и говорю ему: „Кум, едем в Миллерово на моих лошадях“. Он спрашивает: „Когда?“. „Сию же минуту!“ „Да ты смотри, что тут делается, вот уже большевики в нашем хуторе“ — отвечает он мне. Я говорою ему: „Это тебя совершенно не касается, на всем моем 60 рублей довольно? Он говорит: „Довольно“. „Ну, так, едем!“ Поспешно бросили на воз чувал овса и вязанку сена и ходу. Все это заняло 5—10 минут и мы были в пути. „Ну, слава Богу — думал я — выскочил от большевиков“.

Рассказывали мне после о том, что было, когда наш хутор встречал большевиков: Командир говорил — не бойтесь, товарищи, вы как жили, так и будете жить, а выдайте нам ваших главарей-кулаков. Его спрашивают — а кто это главари и кулаки? “Да это такие которые атаманами были, или на других каких царских должностях“ — отвечает командир. „Да вот у нас член Войскового Круга сейчас поехал в Новочеркасск:“ — не выдержал один. „Ах, вот его бы самого и надо!“ — сожалеют большевики. „Так его еще можно вернуть, товарищ командир“ — отвечает голос из толны. А другой видевший, как еще утром повезла меня жена, отвечает ему: „Где вы его догоните. он уж верст 30 отмахал, небось!“ „Как!? Сейчас только с нами встречался, его кучер повез на его гнедых в дышлах!“

Тут командир отдал приказание — немедленно погнаться за мной, догнатьи привезти. Появляются четыре красноармейца на добрых конях. Комиссар вызывает одного из толпы казаков. Вызывается урядник Коньков. Садится он на коня и с места в кар'ер ведет красных кратчайшим путем наперерез мне.

Хоть и шибко мы ехали, но погонищики отрезали нам путь и остановили.

Урядник наш молчит, а один из красных кричит: „Куда едешь?! „Растерялса я в этот миг и отвечаю по правде: „В Новочеркасск“. „Зачем?“ „Получил телеграмму, правительство вызывает“. „Какое у тебя там правительство, вертай!“

Поворачиваем обратно и приезжаем прямо к правлению. Кучер с подводой и лошадьми поехал ко мне, а меня попросили войти в правление. Вхожу. Попросили сесть. Тут же меня обыскали, деньги забрали, записали в какую-то книжечку и говорят: „за деньги будтьте покойны, не пропадут“ и посадили меня в нашу тигулевку.

Сижу день. Конечно, страшно, одного меня охраняет целый караул! Но не дали долго скучать. На третий день ко мне привели еще несколько человек моих хуторян. А через неделю тюрьма наша уже была переполнена. Вся головка станицы, самые честные, порядочные и хорошие казаки очутились в тюрьме своей станицы.

Один молодой урядник, фронтовик, будто бы с левым душком был, а все-ж таки и он сюда попал. Почти каждый день группами вызывали отсюда на допрос, но обвинений особенных не пред'являли, кроме того, что требовали денег, обыкновенно по 50,000 рублей. Но урядника молодого ни одного раза не допрашивали. И только 26 февраля его вызывают на допрос и освобождают.

27 февраля восставшие казаки вешенцы, мигулинцы и казанцы уже покончили с окружным советом и стали наступать на станицу Каргинскую.

Смотрим в окно, перед нами, на площади, выстраиваются войска. Это молодые хохлы и некоторые наши казаки. Смотрим, урядник, который сидел с нами в тюрьме формирует себе тут сотню и ведет ее в бой противъ восставших казаков. Оказывается, этот урядник был подсаженный к нам шпионом. Он выслушивал наши мнения, в высказывании которых мы в тюрьме не стеснялись, и докладывал большевикам.

Вечером 27 февраля, часов в 9, заявляется к нам сам станичный комиссар и начинает допрашивать — кто, за что арестован. Тем, которые были

арестованы как участники расстрела Подтелкова и Кривошлыкова, комиссар приказаль остаться. Доходит очередь и до меня. Я ему отвечаю, что не знаю за что арестован. Мол, арестовали, посадили сижу, не зная за что.

Тут неожиданно один вахмистр „помог“ мне, подсказав, что „он сидит, как член Войскового Круга“.

Наконец, комиссар перебрал всех и, кроме 8 человек, в том числе и меня, всех отпустил по домам. Отдав тут же приказание: „Этих 8 человек расстрелять“, к отпускемым он обратился с такими словами: „Мы отступаем, а вы идите домой и к восставшим не приставайте, иначе через три дня и вы будете все расстреляны.

Когда комиссар и отпущенные ушли, мы за метили, что куда-то смылся и караул. Но, тем не менее, некоторое время продолжаем сидет в жутком ожидании, что вот-вот придут и поведут нас на расстрел. Прождав немного, потихоньку выходим на двор, прислушиваемся — в станице могильная тишина. Тогда один из нас побежал в комиссариат и, вернувшись, оттуда говорит, что и там никого уже нет. Тут мы и бросились вразброд по домам.

Временное Центр. Правление В. К., передавшее свои функции новому Центр. Правлению
С'езд В. К. 24—25 Августа 1935 год.

Сидят: в центре — Есаул Кудинов, по правую руку от него — Д-р Полк. Федоровъ, С. Балыіков; по левую руку отъ него — хор. И. Безуглов, Инж. П. Головчанский (члени Ц. П.). Стоятъ справа налево: Инж. М. Запорожец, Инж. Д. Еременко, Инж. И. Колесов, Инж. К. И. Мосев, Сотн. Г. Еременко, С. Л. Тищенко и Инж. С. Медведевъ.

Когда восставшие дошли до нашей станицы, то у них в тылу в некотор. хуторах оставались казаки с неопределенным поведением и поэтому восставшие не остались в нашей станице, опасаясь за свой тыл, и отступили в станицу Каргинскую.

На другой день казаки бросились в станицу разбирать свои седла, которые были у всех отобраны и лежали в ст. Правлении т. е. в комиссариате. Красные же узнали, что восставшие отступили, и прислали в нащу станицу раз'езд, который и подоспел как раз к концу разбора седел.

— Кто вам позволил разбирать седла!? — заорали большевики. Казаки перепугались и, как воробьи. рассыпались врозь.

За раз'ездом вошли в станицу главные части и большевики опять воцарились в нашей станице. Вечер прошел в хуторе тревожно. Все узнали, что станицу опять заняли большевики. Темно вечером пришли ко мне человек десять казаков и спрашивают моего совета — что будем делать? Я говорю — восставать, другого выхода нет.

У меня 4 коня и некоторые просят у меня коней. Забирайте — говорю — всех из конюшни, кроме одного на котором я сам выеду. „А какое оружие мы имеем?“ — спрашиваю я. Оказывается 60 винтовок и много патронов. Фронтовики обещались еще подсобрать патронов. Наутро назначили сбор у староверских кладбищ.

Казаки ушли по домам ждать утра. Я тоже лег спать. Вдруг залаяли во дворе собаки. Жена посмотрела в окно и будит меня: „Вставай поскорея, едут четыре верховых!“ Я особенно не растерялся, подумав, что это наши восставшие, но обул валенки и надел теплый сюртук.

Приехавшие, попривязав лошадей, подошли к моим дверям, застучали. Выходим с женой за одним хлопом, чтобы не заметили, что нас вышло двое. Жена спрашивает: „Кто такой?“ Голос казака нашего хутора отвечает: „Это я, отворись!“ „Зачем?“ „К. М. дома?“ — спрашивает тот. „Нет его!“ „А где-же он, уехал?“ „В Усть-Медведицкую; работник возил товарищей и бросил там сани и хомуты, только коня одного привел, так он поехал за санями“ — начинает наливать жена. В ответ ей раздается повелительный голос: „Отворяй!“

Жена отворила. Я стал за дверью. Ночные гости вваливаются в коридор и, оставив одного у наружных дверей на часах, идут в комнату. Часовой стал у дверей лицом наружу с винтовкой наизготовку. Нас с ним разделяет только раскрытая во внутрь двер. Слышу, как остальные шарят по комнатам, ища меня. Слышу голос одного: „Что ты под столом лазишь?... Под столом что ли будет он сидеть?“

Куча всяких мыслей роится в моей голове вокруг вопроса: „Что делать?“ ... Вырвать винтовку у часового, прикончить его здесь и самому броситься в сады?... Но семью всю расстреляют. Наконец, слышу, как красные выходят. Положение мое стало еще более критическим. Как только откроется внутренняя дверь и осветится коридор, меня должны непременно увидеть. „Ну, думаю, конец, значит“. Но, как только красные взялись за

дверную ручку, жена задувает лампу, как бы спеша лечь в постель. В коридоре темно и красные проходят мимо меня. Часовой следует за ними, все отвязывают коней, садятся и выезжают со двора.

— Что будем делать? На этот раз чудом спасся, а другой раз могут захватить — говорит жена.

— Бежать надо к восставшим верхне-донцам, хотя не знаю где они, но нужно ехать в ту сторону, откуда они гнали красных — говорю я и немедленно высылаю сноху обратовать коня, а сам начинаю убираться в путь.

Только обулся, слышу — верховой мчится к моему двору: ухожу в кухню и хоронюсь там. Слышу приезжий разговаривает с моей семьей. Подбегает к дверям кухни сноха и кричит: „Папаша идитя!" Петр Афанасьевич приехали:

Тут я выхожу и спрашиваю Петра Афанасиевича, в чем, мол, дело. Отвечает, что „приехали конные красные в числе 12 человек, разделились на три партии, шарят по хутору и забирают всех, которые сидели под арестом. Моего Алешу взяли, а я спал у соседей, пришел домой, а жена говорит — уезжай скорея, Алешу взяли и тебя ищут".

Он тогда оседлал коня и заехал ко мне. Оседлал и я коня и мы вдвоем напрямую проскакали темной ночью 25 верст и к утру уже были среди восставших верхне-донцов под командой Павла Назаровича Кудинова.

В этот же день весь наш хутор восстал. Выехало всего из нашего хутора 180 человек конных. Старики свыше 50 лет были обозными и кашеварами. Узнали про мое местонахождение и присылают гонцов с просьбой — пожаловать в сотню. К моему удивлению, выбирают меня командиром сотни. Долго пришлось отказываться, говоря, что я — старый вахмистр, что на Германском фронте не был и что в настоящий момент не смогу быть командиром сотни. Но хуторцы упорно настаивали. Решили баллотировать. Тогда я, отказываясь от должности командира сотни, предложил себя в помощники его. Казаки с этим моим предложением согласились и я остался помощником командира сотни, хотя в набеги и в наступления приходилось вести сотню мне.

Воюем март-апрель. Дела идут великолепно. Успехи хорошие. Отбили себе у красных два пулемета. Казаки веселые, в наступления идут охотно, а в бою стойки, как никогда. 28 марта в нашем хуторе в бою убили у нас 5 человек. Потом весь апрель были страшные бои, набеги ночные, атаки. В удачных набегах только и подживались патронами и оружием.

Во второй половине апреля, этак около 20-го, от моей сотни стояла застава. И вот к этой заставе вдруг пришла казачка и говорит: „Дядинька, тибе кличет комиссар, чивой-то табе хочет сказать важное". „А где он?" „Вот за этим бугорком!" „А сколько их?" „Один".

Казаки начали предполагать, что это кто-то из наших убежал от красных и хочет перейти. Пошли туда, а там действительно оказывается комиссар. Наши спрашивают его — в чем, мол, дело?

„Меня начальство наше прислало к вам, чтобы вести с вами переговоры о мире" — отвечает тот. Начальник заставы посылает в сотню, а я командиру полка. Последний говорит мне: „Поезжайте сами и узнайтя в чем дело". Я поехал и уговорились с ним о том, что завтра, в 10 часов, на указанное место собраться представителям сторон, по 8 человек с каждой.

У нас полк был четырехсотенного состава. От каждой сотни выбрали по два делегата. В число этих делегатов попал и я. Утром в назначенное время приезжаем на заставу и выезжаем на условленное место.

Видим что большевицкая делегация уже поджидает нас. С разрешения командира полка, я взял сотню и поставил ее в скрытом месте на случай каких — либо неожиданностей.

Наконец, с'езжаемся. Начинает говорить один с их стороны с еврейским акцентом. Говорит, что они несут благо народу, а белые, мол, рабство и унижение. Ни до чего тут мы не договорились и решили переговоры продолжить и на завтра, также в 10 часов на том же месте, и раз'ехались.

Незнаю, почему у них возникла мысль вступить с нами в переговоры. Мы же предположили, что у них что-то неладно, раз сами первые идут на переговоры. Было очень интересно узнать — что-же у них делается. К тому-же эти переговоры могли дать хоть маленький отдых нашим измотанным частям.

На другой день опять с'ехались. От них еще один новый оказался, видно, что интеллигент. Красные его называют командиром полка. Начинаем разговаривать.

Командир полка говорит много и, в конце концов, восклицает: „Говорят, что мы грабим, насилуем. Ничего подобного! Мы вот три месяца стоим в хуторе К. Узнайте, что мы сделали что-либо дурного! Желательно было бы, чтобы кто-нибудь из хутора К. поехал с нами и убедился лично в ложности всего того, что о нас говорят".

И начинает он вызывать охотника кто бы поехал с ними в наш хутор, а завтра, мол, вернем его на это же самое место. Охотников среди нас не оказалось. Тогда большевики начинают предлагать двух заложников за одного нашего.

— Ай рискнуть? — говорю я своим.

— Да будь они прокляты! Что им два мужиченка за вас? — отвечают мои.

Тут большевики начинают еще больше уверять нас, что наш делегат непременно будет доставлен обратно. Очень уж захотелось мне узнать что творится в нашем хуторе, и я из'явил согласие ехать с ними.

Большевики тут же оставляют двух заложников, я распрощался с своими и мы с места в кар'ер скачем в наш хутор. Под ехали к хутору. Комиссар спрашивает у меня — где мой дом. Я указываю ему. Он отправляет остальных в часть, а сам со мной направляется к моему двору. Издали, сажен за полтораста, вижу — во дворе стоит моя жена и смотрит на нас. И с места не тронулась, пока мы не под'ехали к ней вплотную. Комиссар спрашивеает ее:

— Твой муж бабка?.. А бабка моя молчит, точно онемела. Только когда я обратился к ней, чтобы она отвечала, она призналась. Оказывается, она решила, что меня захватили в плен и привели меня к моему дому, чтобы на ее глазах зарубить.

Я при комиссаре спрашиваю, что у нас забрали. Жена отвечает, что вот мы с тобою только и

остались, а все остальное все забрато. Сено, солома, товар — все оказалось сметено". А в амбаре есть что?". Сколько на гумне, столько и в амбаре" — отвечает жена. А на гумне у меня было столько скирдов соломы и сена, что и за час не обойдешь.

— Это разве-же не грабеж? — говорю комиссару.

— А это обязательно, кормить и людей и лошадей надо? — отвечает он.

Вечером нашло к нам полон двор баб. Каждая спрашивает про своих. Я во всеуслышание отвечаю им, что все наши хуторцы живы и здоровы и дерутся, как львы. Подошло и человек 50 красноармейцев посмотреть на живого кадета.

Признаться, у меня сердце екало, но виду не подаю, с бабами весело разговарваю, показываю, что эта война нам будто бы игрушка.

У меня в доме, оказывается, стоят 9 человек красных.

(Окончание следует).

Сергей Макеев

ЖЕНИТЬБА

(Из книги: „Новозвратное Прошлое").

— Ура! Ура! Ура . . . а . . . а!

— Ваше благорогодие, вы в атаку идете, чи що?

— Какая к черту атака, невеста в гости едет!

— Чья невеста?

— Моя невеста, дуралей!

— Напрасно женитеся, ваше благородие, погуляли бы еще малость . . .

— А ты почему женился так рано?

— Наше дело хлеборобское, сам в полк пошел, а заместо себя в хозяйстве работника оставил.

Такой диалог происходил между кубанским сотником Онуфриевым и его деньщиком Никифором.

Полк, в котором служил Онуфриев, стоял в Закавказье, в районе Елизаветполя в молоканских селах, так как своих казарм у полка не было.

Будучи в отпуску и проезжая через Баку, Онуфриев познакомился у своего приятеля — пехотнаго офицера — с сестрой его жены, с молодой красивой барышней, только что окончившей институт. Сердце не камень — не выдержало. Сотник задержался на несколько дней и не откладывая в долгий ящик, сделал предложение. Согласие было получено, но старшая сестра невесты, заменявшая умершую мать, настояла на том, чтобы сначала с'ездить в полк, посмотреть на офицерскую жизнь в захолустных уголках необятной России, и ознакомиться с жизнью полка во всех его деталях: есть ли полковое собрание, много ли полковых дам, зстраиваются ли балы, вечера, спектакли . . . А то уавезет молодую девушку за тридевять земель в пятидесятое царство, в дебри тмутараканския, что и следа потом не найдешь.

Получив извещение, что невеста с сестрой едут, Онуфриев от радости закричал „ура", да так закричал, что даже деньщик пришель в изумление.

— Ну — с, Никифор, надо приготовиться к приезду. Самовар этот к черту, — сотник показал рукой на давно нечищенный самовар, гордо стоявший на трех ножках, вместо четвертой подкладывался кусок кирпича, — койку убрать, на ней они спать никак не могут, нужно попросить у хозяйки перин и подушек. И нужно приготовить обе сытный и вкусный . . . Понимаешь, остолопина?

— Чего — ж тут не понять то? — пожал плечами деньщик, — вы идите на ученье, а я все эдесь обмозгую. А когда воны приедут?

— Завтра утром.

— Так до завтра можно нову хату зробыть.

Расторопный Никифор мобилизовал молоканок и принялся за работу. Прежде всего вымыли квартиру, втащили большую деревянную кровать с десятком пуховых перин, подушек и одеял — походная койка, покосившаяся от походов, нашла временное убежище в сарае — на окнах появились чистенькие занавесочки и цветы в горшках, у местнаго учителя грузина взяли салфеточки, скатерти, посуду чайную, у священника — ложки посеребренные, ото всех понемножку и набралось всякаго добра вдоволь. А уж на счет кухни и безпокоиться нечего: Никифор сам ходил по двору, выбирал пожирнее уток и кур и безжалостно рубил им головы, а бабы щипали и готовили кушанья. Вычистили конюшню и на свежую подстилку Никифор поставил еще трех строевых коней, чтобы сотникову „Казбеку" не скучно стоять было . . . В общем к приезду невесты приготовили все, как и должно быть.

Наступило утро другого дня . . . Сотник встретил гостей на соседней железнодорожной станции и на крестьянской тачанке привез их на свою квартиру, прямо к обеду.

Никифор выбивался из сил, все делал сам и ни одну бабу в комнату не пускал: сам носил блюда, убирал со стола грязную посуду, угощал гостей и по совести накладывал в тарелки самые лучшие куски жареной птицы. И все время подходил к сотнику и шептал ему на ухо:

— Чи що не так, так скажите, ваше благородие. Мабуть узвар подавать?

— Потом подашь! — отмахивался Онуфриев.

Обед кончился . . . Гости остались очень довольны, не мало комплиментов получил и Никифор за стряпню, за чистоту, за аккуратность.

Сотник пригласил дам в хозяйский сад на прогулку, а потом принужден был передать их на попечение Никифора, а сам улетучился в сотню, чтобы сделать там кое-какие распоряжения относительно послеобеденных занятий.

— Как у вас здесь хорошо, Никифор! — восхищалась невеста.

— Еще бы, барышня, живем с их благородием, як пемещики, всего то вдосталь.

— Сколько птицы?? . . . Это что-же, все хозяйское?

— Зачем хозяйское . . . птица у нас пополам, если, значит, птица его, так корм хозяйский, а если птица хозяйская, так корм его . . .

— Как ты сказал.

— Говорю, барышня, что все у нас пополам

с ним и поля засеяли, чтобы свой корм иметь для худобы . . . Может лошадок наших хотите посмотреть?

— О, конечно, с удовольствием, я очень люблю лошадей!

Никифор провел гостей на конюшню.

— Ах, какие хорошие кони! Какие красавцы! Неужели это все принадлежат сотнику!

— Так точно, барышня, он человек состоятельный, к тому-ж лошадей любит.

— Но ведь расход большой на корм?

— Так что пану сотнику отец высылает сколько угодно . . . Уж насчет денег отказу нет . . . Вот это „Казбек", на котором пан сотник на занятия ездит, это „Лидочка", а это вахмистров к . . . к . . . вахмистров любимец, хлопцы так его и прозвали „Вахмистром", а это „Паша", для парадов . . . Может чайку не угодно ли пока пан сотник приде? — поспешно предложил он, так как к конюшне подошел квартирный хозяин и при нем Никифор не счел нужным продолжат разговор о лошадях.

Вмиг появился шипящий самовар, пышки сдобные, пироги, пирожки, ватрушечки, с мясом, с творогом, с рисом, с морковью, с яблоками, с изюмом . . . ешь не хочу.

Да гости не особенно и стеснялись, ели, да прихваливали.

— А кто стряпает барину, Никифор? — спросили его.

— Кухарку держим, с Лизаветполя выписали, пан сотник любит покушать . . .

— А что это, Никифор, за странные буквы на салфетках? — спросила сестра невесты.

— А это когда мы в Грузию походами ходили, так сотник там и заказывал у грузинок . . . Известно, азияты . . . по своему и вышили. А вот постель молоканки делали, рублев должно с полсотни встала. Пух то свой, со своей птицы нащипали, будете спать, да прихваливать . . .

— Нет, Никифор, мы спать здесь не останемся. Придет сотник и отвезет нас на станцию к вечернему поезду.

— Да как же это так, а как же с ужином то быть? Ведь я кухарке приказал гуся зажарить. Ну, я вам на дорогу в корзиночку пирожков положу . . .

Еще засветло гости уехали, а через месяц после их визита и Онуфриев уехал в Баку венчаться.

После свадьбы погуляли, повеселились и молодые собрались в путь-дорожку . . .

— Вы возьмете сейчас все само необходимое, — говорил отец невесты, старый, отставной капитан, — а остальное я вам пришлю потом. Постель, Катюша, не забуд. Ведь у жениха то, наверное, кроме походной койки ничего нет.

— Что ты, папа, у Коли такие перины и подушки, что утонуть в них можно? Вообще я сейчас ничего этого не возьму, только таскаться зря. У него всего вдоволь: и посуды и белья, а какие чудные кони, папа! Ах, я одного возьму себе обязательно!

— Ну, как знаешь, тебе виднее, ты же ездила туда осматривать Николаево хозяйство?

Молодожены прибыли в полк . . . Прямо со станции проехали в свою сотню. Ликующий Никифор у ворот встретил своего пана с хлебом и солью. Уж такой православный обычай.

— Разрешите, ваше благородие, поздравить вас с законным браком и пожелать вам много лет здравоствовать?

— Спасибо, Никифор, спасибо! — бормотал сотник, целуясь с ним, — вот тебе барыня, люби ее и ухаживай за ней, как за мной! . . .

— Никогда не называть меня барыней, Никифор, мое имя Екатерина Николаевна.

— Слушаю, барыня Катерина Николаевна, дозвольте ручку поцеловать? Аха, да и красавицу вы нашли себе, ваше благородие!! . . .

— А ты красавицу то проведи в комнату, с дороги умыться надо.

Молодая барыня вошла в комнату и застыла в недоумении . . . Все изменилось: никаких перин и подушек, голые окна, покосившаяся койка и самовар на трех ножках, конечно вычищенный к приезду молодой хозяйки. В углу стояла скамейка и стул, на который нужно было садиться с большой осторожностью.

— Это чья же теперь комната? Твоя Никифор?

— Никак нет, барыня, его благородия . . .

— Коля!

— Что девочка? — ответил со двора сотник.

— Иди-ка на минутку сюда.

— Что тебе?

— Где же вся эта мебель, ну, постель и . . .

— Какая мебель, какая постель? Вот все что у меня есть . . . Сама знаешь, как живут холостяки? . . .

— А когда я приезжала в первый раз все было по другому . . .

— Ну да, тогда я брал у хозяев, чтобы вас уложить на мягкой постели, ведь нельзя же на походной койке . . .

— А теперь как же?

— Никифор, тащи, брат, соломы и стели бурки! — скомандовал сотник. — Да ставь самовар и попроси у хозяев яиц.

— Никифор! — чуть не со слезами на глазах обратилась молодая барыня к деньщику, — а где же все эти скатерти, салфеточки, посуда??...

— Эх, барыня, Катрина Миколаевна, какие у казаков салфеточки, платков носовых нету, а где-ж там?! . . .

— Так что-ж ты мне говорил раньше?

— Мало ли что я говорил с дуру то, а вы и поверили . . . Да что теперь вспоминать старое . . . Потерпите трошке, все образуется . . . Не ударим лицом в грязь, наживем собственное хозяйство . . .

В тот же вечерь полетела в Баку телеграмма, чтобы ускорили отправку багажа, а пока что для новой полковой дамы началась новая жизнь . . .

„На оды, лишенные собственного национального типа, утратившие ощущения исторической своей связи с родной землей и своеобразием ее культурного и духовного облика, трагически обрекаются на медленное моралное вырождение и неизбежную затем политическую смерть".

Гайдар Баммат.

Иван Мосев. (Чехословакия).

ПЛАСТУНЫ

Бьют тарелки звонко,
Тулумбась гудит,
Из-за угла громко
Команда летит . . .
Все остановились,
Дальше не идут:
Окна пораскрылись,
Незнакомых ждут.
Минуточку тихо,
А потом — ура! —
Прокатилось эхом
И опять — ура!
Из-за угла стройно,
Марсовы сыны,
Выступая пышно,
Идут пластуны.
Впереди знамена
В траурных чехлах,
За ними колонна
В сомкнутых рядах.
Вид молодцеватый —
Шапки набекрень
И на каждом влитый
Парадный чекмень.
На плечах погоны —
Малиновый цвет.
Красивей малины
Ведь на свете нет.
Пояса с насечкой,
Газыри блестят,
Кинжалы отделкой
На солнце горят.
А штыки стальные,
Словно лес густой,
В небо устремленные
Движутся волной.
Музыка утихла;
Нужно ногу дать,
Только не устала
Публика кричать.
Весь бульвар запружен.
Машут из окон.
Не один загружен
Затрещал балкон.
Мелькают платочки,
Будто мотыльки.
И летят цветочки
Храбрым на штыки.
Командир усатый
Статный молодец,
Хоть на вид сердитый,
Пластунам — отец.
И хотя проступков
Он им не прощал,
Но любил казаков,
Душу — бы отдал.
Впереди шагая,
Момент уловил,
Время не теряя,
Шутку закатил.
Он, чтобы сильнее
Сердца распалить,
Приказал скорее
Песню заводить.

Старый Пластун

„Ну-же вы, мещане! –
Молвил с под усов —
Послушайте песни
Моих пластунов!“
И уж один басом
Зачинает акт.
Вся колонна разом
Подхватила в такт.
Звякнули тарелки,
Порой слышен свист,
Дрожат подголоски,
Тянет активист.
Басы нажимают,
Все дрожит кругом,
И альты не плошают —
Тянут хоть с трудом.
Тут уж все затихли,
Обратяся в слух,
Рты пораскрывали
И затаили дух.
Да, ведь, и не диво —
Пластуны поют!
Они песней живо
Народ прикуют.

Песня та лихая
Многое сулит,
За душу хватая,
Слезою дрожит.
В ней, как на ладони,
Жизнь пластуна
От веков искони
Вся изложена.
Тут горе и радость
И удаль дедов.
Как отцы крепость
Брали у врагов.
„Помоги вам Боже!
Милые сыны
Отстоять не хуже
Славо старины.
Ее создавали
Деды и отцы,
А вам завещали —
Беречь, молодцы.
Будьте-же достойни
Своих предков вы,
В боях непреклонны
И храбры, как львы.
Племя вы — лихое,
Что и говорит —
Имя войсковое
По свету гремит.“
Молвил так, крестяся,
Старик весь седой.
Других не стыдяся.
Он блестел слезой.
Он и сам когда-то
Служил в пластунах,
И приходилось нередко
Бывать и в делах.
Помнил он француза,
Турок и „агличан“,
Как в Крыму три раза
Пробрался в их стан.
От свернули вправо
Пластуны за дом
И колонна снова
Скрылась за углом.
Публика, глазами
Бросив им привет,
Разошлась в раздумьи.
Никого уж нет . . .
Только горемыка
Нина у окна,
Смутная бедняжка
Осталась одна.
Пластуны прельстили
Удалью — красой
Сердце покорили
Девы молодой.
Хотя Нина знает
Желание отца,
Что в супруги хочет
Выбрать ей купца,
Но в момент этот
Поклялась она,
Что женою будет
Только пластуна.

„Самый непростительный грех для партийного лидера — это довести свою партию до раскола“.

А. Бальфур.

Шамба Балинов — Франция.

Милюковский вакар и Сталинский пискарь

Выход нашей газеты „Единство и Независимость“ нашел отклик в русской прессе. На него, в трогательном единении, почти одновременно, отозвались духовные близнецы: г. Вакар в „Последних Новостях“ в номере от 8-го июля, и неизвестный советский пискарь в советском журнале „Наш Союз“ в номере 67 за июль сг.

Мы давно привыкли к тому, что русские журналисты теряют человеческий облик и превращаются в балаганщиков, когда вопрос касается прав Казачества, особенно когда дело идет о казачьей освободительной идее.

Г-н Вакар Вольно-Казачьему движению посвятил целый подвал газеты. Он с возмущением приводит выдержки из передовой № 2 „Единст. и Незав.“: „Казаки националисты в отношении СССР являются ничем неприкрытыми пораженцами. Они со всеми те ми, кто будет бить и ослаблят власть Москвы“!

Ни одним словом он не упоминает об идеологически-принципиальных положениях казачьего национально-освободительного движения, кои были подробно развиты хотя бы в том же номере газеты „ЕН“; ни одного слова по поводу „Открытого Письма Милюкову“ Алимова, где автор развил неопровержимые положения в обоснование Вольно-Казачьего движения и политического поведения патрона Вакара — Милюкова.

Не упоминает о них, конечно, потому, что ничего нельзя против них возразить. Поэтому, он в этой части ограничивается неудачной иронией, пытаясь провести знак равенства между **Казачеством и Тульской губернией!**

— Если Казакия, то почему, в самом деле, не Тулия и не Рязания? — глупо вопрошает Вакар, показывая этим самым или свою политическую бесчестность, или свое полное незнание „отечественной“ истории.

Мы, конечно, понимаем, что не в интересах русской газеты поднимать спор с казаками-националистами на идеологической почве, что в интересах русских было бы лучше, если бы этого движения не было вовсе, или — чтобы оно было дискредитировано.

Поэтому им необходимо долбить людям одну мысль, что это движение есть социальный заказ какого-то иностранного государства, что оно родилось, мол, по принципу: „На всякий спрос есть предложение“. Для этого надо погладить по головке „Лигу Возрождения Казачества“, именующей себя „самостийной“, но в казачьей среде никакого влияния не имеющей. Эти, мол, не страшны.

Когда дело касается казачьего вопроса, все русские моментально превращаются в политических духовных горбунов, которых, как известно, только могила можеть исправить.

Но нужно отдат справедливость Вакару. Оставив в стороне принципиальные положения, он все свое внимание обратил на подбор цитат, так или иначе компрометтирующих участников движения казаков-националистов и, как человек опытный и отличающийся ловкостью рук, сделал это не плохо.

Тут и совершенно лживое утверждение Билого, что один из лидеров „оппозиции“ в Братиславе „произвел в 1926 году растрату общественных сумм“, каковая клевета уже опровергнута документальными данными соответствующих должностных лиц и свидетельскими показаниями двух десятков компетентных лиц, тут и такое-же ложное и также опровергнутое фактами утверждение Билого о том, что весь Германский ВК округ состоял „из 4—5 человек, но теперь не может собрать и такого количества казаков“, тут и глупые слова безответственного проходимца Текутова, услужливо напечатанные „ВК“ о том, что другой из лидеров „оппозиции“ „призывал служить Билому, пока последний платил ему деньги, а теперь стал против него“ и т. д. Конечно, Вакар не упустил случая с'иронизировать над действительно анекдотическими выборами. „Походного Атамана“.

Все это любовное собирание цитат из полемики между вольными казаками по внутренним вопросам, конечно, ни в какой мере не может повредить идейной ценности и оправданности казачьего национального движения и ни в какой мере не свидетельствует о политической честности разных Вакаров.

Разумеется, Вакару сильно не понравилось присутствие на биловском банкете представителей народов, которые пили — „За наш общий противомосковский фронт“. Он особо подчеркнул выступление представителя Грузии и Армении и итальянца. Мысль тут ясна: Вакар подчеркивает, если уж грузин, связанный с русскими по линии русского социализма, и армянин, которые всегда питали симпатию к русским (отталкивание от Турции), если даже они пошли к казакам и пьют вместе с ними против России, то дело, мол, заходит далеко, опасность создается большая, ратуйте, мол, русские, смотрите в оба!

Мы можем сказать Вакару: напрасно он над Билым иронизирует; русские должны благодарить Билого и наградить его золотою медалью. Если бы не преступная тактика Билого, если не его сознательное разложение вольноказачьей семьи, то ВК в настоящее время могло играть первую скрипку в казачьей эмиграции и на его банкетах присутствовали бы не только эти представители; его политическая работа не ограничивалась бы только закрытым банкетом, а имела гораздо более существенные результаты в смысле подтачивания основ русского империализма.

Но мы верим, что несмотря на работу Билого по разложению, движение казаков националистов усилится, ускорится в своем темпе, сокрушая все искусственные препятствия на своем пути и настанет день, когда победно разовьется на свободной Казачьей земле знамя Казачьей Независимости!

По поводу отклика советского пискаря писать много не приходится. Этот стыдливый тип сокрушается по поводу того, что „эмигрантская преса в Париже в последнее время постоянно обновляется новыми газетками и журнальчиками. . . Перед нами номер последней парижской „новинки“ — газеты „Единство и Независимость“ — „органа казаков-националистов“. Он питает надежду, что газета „отцветет, не успев расцвести“.

Этот советский строчитель высказывает свою глубокомысленную догадку: „Откуда являются эти листки и газетки — догадаться не трудно. От них несет за версту германской свастикой, то страной восходящего солнца, а иногда повеет и стародавним польско-петлюровским ароматом".

Конечно, этот сталинский молодчик, как и милюковский Вакар, возмущен тактическим положением казаков-националистов, развитым в газете „ЕН" № 2 и цитирует передовую газету „Ед. и Незав.": „Для нашей политической тактики во вне — об'являет передовик — у нас есть пока одно мерило: СССР — смертельный враг. А потому сочувствие, содействие (это слово подчеркнуто пискарем) и симпатия казаков-националистов всегда останутся на стороне тех, кто реально будет ослаблять этого смертельного и злейшего врага".

Не понравилась ему и наша статья, посвященная памяти покойного маршала Пилсудского, из которой он приводит длинную выдержку.

Советские ребята остаются верными себе: свой отклик они заканчивают маленьким и подленьким доносом на нас французской власти. Поставив вопрос — на кого мы расчитываем — он сам же выдумывает: „Ну, конечно же, Гитлер, великий вождь угнетенных народов и „вольного казачества"... Газетка, увы, издается не в Берлине, а в Париже" — многозначительно заканчивает он свой отклик.

Ни мелочная и беспредметная придирка Вакара, ни подленький донос советского пискаря не повредят делу казачьего освободительного движения. Оно опирается на бесспорном казачьем праве на свою землю и на чистой казачьей правде. Оно ведется людьми, горящими священной для них высокой идеей и ею крепко спаянными.

Люди эти, с непоколебимой уверенностью в правоту своего дела, с чистыми сердцами и честными руками, делают дело национального освобождения.

Ив. Томаревский — Болгария

Было время

Было время — на майданах
Собирались казаки,
Выбирались атаманы
Из казачьей-же среды.
Было время — степь родная,
Вся покрытая травой,
Ковылями и цветами,
Жила волей вековой.
Было время — на привольи
По казачьим городкам
Славно, весело и вольно
Всем жилося казакам . . .

Да настало и другое —
Время скорби на степи,
Потеряли под Москвою
Свою волю казаки.
Атаманов присылали
Из Руси на казаков,
И цари их назначали,
А не воля лишь кругов.
На степи, меж городками,
Появились мужики . . .
Дон пленен был Москалями,
Стал провинцией Руси.

И от прошлой старой воли
Не осталось и следа.
Сохранилась лишь в неволе
Песня старая одна . . .
И звучит она упреком
Нам, потомкам казаков,
Грустью, горестью глубокой,
Нам волнует она кровь . . .
Кто виновен, что лишило
Нас Свободы-старины?
Виноваты сами были,
Иго принявши Москвы.

Но настанет еще время,
Будем с верой его ждат —
Сбросим русское мы бремя
Чтобы, вольными вновь стать.

Возродим мы Казакию,
Свои старые права,
И российскими рабами
Мы не будем никогда!

М. Лазаренков — Франция

Двенадцать осокорей

(Каз. легенда)

На толоке Нижнего-Курмана,
По над берегом седого Дона,
С незапамятно давних дней,
Растут двенадцать осокорей.
По виду — обычные осокорья,
Память древности будя,
Легенду казачью хранят,
И века неприступны стоят.
Ни бабушка, сбирающая хворост,
Не возьмет там и трост.
Ни казак, едучи с полей,
Не отягчит охапкою коней.
Проклятье предсмертное Атамана —
Защитника вольностей Дона,
Лежит на тех осокорьях,
Напоминая всем о Емелькиных днях.
Из ватаги, разбитой Михельсоном,
В свою станицу по над Доном
Мчался вихрем Емельян,
Чтоб вновь поднять казачий стан.

Наемный швед Михельсон,
За любовь царицы громящий Дон,
Не отставал от Пугачова,
Чтоб не собрал он силу снова . . .
Когда лису степную гончих стая
Зажучит в просторе без края,
Чтоб умерить бег собак,
Она бросается в буерак.
Чтоб повадку лисью применить
И драгунов русских заманить
В густую чащу осокорей,
Емельян мелькнул меж ветвей.
Но буйны кудри Атамана,
На смех и радость Михельсона,
Зацепились за ветку осокоря
И осадили Емельку с коня.
Проклятье предсмертное Атамана,
Погибшего за волю Дона,
Висит с тех пор над леском
И никто не берет и ветки в дом.

Наберет ли баба сухих ветвей
На подтопку для печей,
Иль казак-силач вязанку дров
Не донесут ноши и до дворов.

Запорожецъ — (Прага)

Знаменательные факты

Всегда уж в жизни так бывает, что когда двое дерутся или полемизируют, то третий или выиграет, или узнает о весьма важных и интересных вещах. Так на страницах польской прессы разгорелась полемика между г. Отомаром, московским корреспондентом „Газеты Польской“ и г. Рихардом Врагом, принадлежащим к новому польскому поколению, высказывающему свои мысли в газете: „Бунт Молодых“.

Оставив в стороне их полемику по внутренним вопросам, как нас мало интересующую, перейдем непосредственно к тем фактам, которые г. Р. Врага приводит в газете „Бунт Молодых“ № 9 (76) от 20 апреля 1935 года, в статье „Советы готовят войну“, которые нам небезинтересны.

Царская русская армия, в момент начала Европейской войны, насчитывала 1,300,000 солдат, которые отбывали 3-х летнюю воинскую повинность. Эта армия каждый год переводила в резерв около 400,000 вымуштрованных резервистов.

Вообще же мобилизационные резервы Императорской России, которая насчитывала около 139,312,000 подданных, были около 10,000,000 людей.

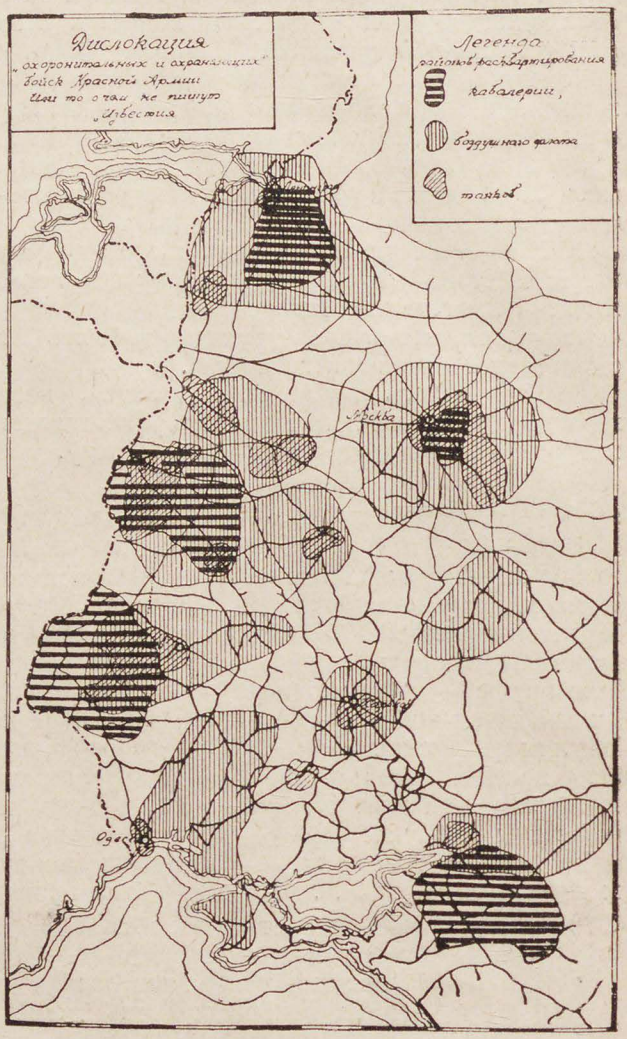
Красная армия, согласно с официальными, данными которые об'явлены в Лиге Наций, насчитывает в 1931 году: 35,009 офицеров и 532,960 солдат, кроме того 15,000 человек во флоте и около 60,000 солдат в вспомагательных частях (ГПУ, пограничная стража, войска охранные и т. п.)

Необходимо с абсолютной категоричностью подчеркнуть фиктивность этих цыфр, так как это скромное число 60,000 солдат вспомогательных войск, при наиболее снисходительном подсчете, будет больше 200,000 человек. Произвольное составление контингентов, так называемого переменного состава территориальных войск, как равно и умолчание в свое время сорганизованного (при помощи Райхсвера) воздушного флота и технических войск, разрешают нам считать от 1929 года общее число советских вооруженных сил не меньше 900,000, не включая сюда нескольких миллионов людей, организованных в специальных вспомагательных организациях с военным характером. Эти соображения приводились и в многочисленных серьезных иностранных изданиях. Разница между этими цифровыми данными и теми, которые официально декларированы советской властью никого не должна удивлять, ибо никто в мире не верил официальным данным советской власти.

Но разница, как никак, большая и красноречивая, хотя вышеприведенное увеличенное количество вооруженных советских сил нельзя считать за окончательное. К ним еще необходимо прибавить около 250,000 войск вспомагательных (комиссариат Внутр. Дел — раньше ГПУ, конвойные, пограничная стража и пр.), около 350,000 войск на Дальнем Востоке, которые не включены в официальные советские данные, около 200,000 войск специальных (воздушный флот, броневые части и технические войска).

В общем итоге сейчас вооруженные силы СССР, когда территориальные войска пополнены, можно исчислить в 2,000,000 солдат.

В резерв ежегодно переходит регулярной армии около 500,000 человек и из территориальных частей 950,000 человек т. е. больше (130 проц.) нежели перед Европейской войной в армии царской. Принимая это за исходный пункт, можно приблизительно подсчитать мобилизационные резервы СССР. Они состояли бы: из 5-ти призывных годов действительной службы — 4,500,000 человек и резерв за 14 лет (принимая во внимание естественную убыль) — 11,000,000 человек т. е. — всего 15,000,000.

Вообще же резерва, способного оборонять край, будеть, согласно статистическим данным СССР за 1933 год., около 32,000,000 человек.

Двухмиллионная армия СССР мирного времени организована, не считая новосформированных частей на Дальнем Востоке, в 85 стрелковых дивизиях (в том числе 50 дивизий территориальных) и 19 кавалерийских дивизиях (в том числе 3 территориальных), кроме воздушного флота, артиллерии, броневых частей и танков, войск технических (инж. связи) химических и всякого рода войск вспомогательных, как равно частей пограничных и частей для внутренней охраны.

Эта армия расквартирована в 11 военных округах. И здесь видим весьма характерную, так сказать, охранную дисклокацию военных частей. А именно — в округах западных (Ленинградском, Белорусском и Украинском) расположено около 37

стрелковых дивизий, из которых превалирующее большинство составляет регулярная армия, и 10 дивизий рогулярной кавалерии, что составляет около 40 процентов пехоты и больше 50 проц. кавалерии.

В соответствии с этим, в этих округах расположены воздушный флот, в количестве более 60 проц. всего состава, броневые части, артиллерия и войска технические. Мимоходом необходимо сказать, что большинство войсковых частей в этих округах моторизовано и тем самым независимы от железно-дорожного транспорта и хорошо подготовлены для полевой войны. В общем итоге, с частями территориальными и пограничной стражи, здесь находится около — 750,000 человек.

Но нельзя упускать из виду того, что к 1 январю 1935 года Коммунистическая партия, которая была вымуштрована для вооруженной обороны, насчитывала членов — 1,872,000, кандидатов — 935,000 и симпатизирующих — 500,000. К этому же времени, Коммунистический союз молодежи, воспитанный в духе активного милитаризма „социалистического отечества“, насчитывал членов — 4,500,000 человек.

Кроме этого, организация пионеров, которая еще больше проникнута духом государственного национализма, насчитывала — 7,000,000 душ.

Всесоюзная организация довоенного воспитания, содержащаяся на уровне армии кадровой, насчитывает сейчас около 13,000,000 человек (в том числе 3,500,000 женш).

Весьма интересна книжка М. Шабуровой **„Женщина большая сила“**, вышедшая в 1935 году. Из нее видим, что в Красной армии есть около 150 женщин — офицеров линейных, около 1000 женщин работают в вспомогательных войсках. Военные училища и академия генер. штаба воспитывают много женщин военных специалисток.

Центральный Комитет Красного Креста подготвиль за период 1929—34 гг. 342,087 сестер милосердия. Там же читаем лозунг советских женщин: „Мы готовы к войне“. „Работницы пойдут на фронт“. „Заменят женщины при станках своих мужей, братьев, товарищей работников“.

Вся промышленность СССР., в первую очередь, работает для военных надобностей. Все заводы тяжелой промышленности, кроме фабрик, изготовляющих исключительно омуницию, имеют специальные военные отделения, которые все больше расширяются. Комиссариат тяжелой промышленности есть ничем иным, как отделением Комиссариата Военных Дел.

На основании данных немецких и итальянских, можно приблизительно считать, что в 1934 году годовая продукция военных материалов была:

винтовок	1,500,000	штук.
пулеметов	40,000	„
пушек	1,800	„
аэропланов	2,000	„
танков и танкеток .	2,500	„
бронев. автомоб. . .	800	„

К этому необходимо прибавить, что еще недавно импорт военной амуниции был одной из главных позиций целого советского импорта. И сегодня еще говорят о трансакциях „оборонительных“ Москвы в Италии, Швеции, не говоря уже о Франции, которая специально, после московских разговоров Эрио, с энтузиазмом снабжает Краснуу Москву военной амуницией.

Сопоставляя цифры, данные Тухачевским на VII с'езде, и принимая за основание цифры- декларированные СССР. в Лиге Наций, можем приблизительно оценит советские материальные силы так:

танков и танкеток .	около 9,000
броневых автомоб. . . .	2,500
аэропланов	6,500 (не считая воздушного флота Осовиахима, школ для пилотов, вполне могущих быть приспособленными для целей военных).
пулеметов	110,000
пушек	5,600

Из прилагаемой к этой статье легенды и вышеприведенных цифр г. Врага можем судить, что советы свою мысль о мировой революции не оставили.

Но к данному положению можно подходить и с иной точки зрения. Перед Европейской войной сторонники марксизма накапливали свои силы, чтобы схватиться с существовавшим монархизмом, но параллельно с этим началось сильное национальное пробуждение народов. Марксизм выиграл только там, где народы, в своем внутреннем культурном развитии, были не на высоком уровне развития, например в Великороссии. Чуждая всякому национальному чувству, под водительством интернационалистов, она сумела в слепоте задавить маленькие, более ее культурные народы, которые успели создать свои национальные государства (Украина, Казачество, Грузия). Только не хватило у них животной сыли раздавить Финляндию, Польшу, Эстонию, Литву и Латвию.

Придя к власти и очутившись на несметных богатствах громадной страны, коммунисты с широким размахом принялись осуществлять в жизни свои идейно-программные цели и, несмотря на колоссальные напряжения всей страны, на умопомрачительные жертвы людьми и добром, увидели, что их идея нежизненна.

Наряду с этим они увидели, что идеи национальные, как идеи естественные и потому жизненные, нашли свое право на Западе и захватили все те народы, которые, по тем или иным причинам, не успели создать свои национальные государства и ожидают только благоприятного момента, чтобы свои национальные права закрепить на факте. Этому движущему народами социалистическому явлению подчинены и те 159 народностей, закабаленных в СССР.

И размещение советских войск по территории бывшей императорской России, в первую очередь, ясно показывает на неблагонадежность „некоторых“ районов.

При помощи колоссальной армии, вооруженной до зубов, только и держат большевики в подчинении московскому центру миллионы безоружного населения различных национальных окраин.

Но этими мерами не удастся предотвратить события. Человечество стоит накануне новых событий.

После окончательного и очевидного краха марксизма, как неосуществимой утопической идеи, после еще более позорного провала советской власти, чем власть царская. мы будем свидетелями и участниками грандиозной борьбы угнетенных в Рос-

сии народов за свое освобождение против народа — общего поработителя.

Численная величина советской армии совершенно не должна смущать умы всех националистов, ибо в этой армии множество сынов тех же угнетенных народов, которые немеддленно поймут цель и характер борьбы народов и придут на помощь к своим отцам, братьям и станичникам, чтобы общими силами сокрушить врага и начать строит общий дом родного национального государства.

Инж. В. Г. Глазков. — (Чехословакия)

Путевка в смерть

Экраны всего мира обошел советский фильм — „Путевка в. жизнь“, изображающий картину трудового метода перевоспитания малолетних преступников мерами „социалистической гуманности“.

Советская печать возвещала о ликвидации беспризорности, этого „проклятого наследия капитализма, империалистической и гражданской войны“ не только в кругах салонных коммунистов, но и среди общественности запада, ныне особенно кокетничающего в СССР. обращают взоры на алеющий восток, и весть о ликвидации в СССР. детской беспризорности мерами „социалистического трудового перевоспитания“, была встречена с радостью, как яркое доказательство победы подлинной „советской“ культуры . . .

И вот, вместо „Путевки в жизнь“ — Путевка в смерть!

Декрет 7 апреля „о мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних“ это воистину человеческий документ эпохи, эпохи гегемонии Сталина. Документ жестокий и, вместе с тем, трусливый. Жестокий потому, что он вводит смертную казнь для несовершеннолетних преступников, начиная с детей 12-тилетнего возраста. Трусливый, ибо в декрете смертная казнь для детей не названа по имени, а запрятана в ссылках на параграфы уголовного кодекса. Сугубо трусливый, ибо, в отличие от установившейся тактики, под ним значатся подписи председателя ЦИК Килинина, председателя СНК Молотова, секретаря ЦИК Акулова, но нет четвертой, единственно решающей подписи генсека ВПК Сталина.

Декрет постановляет „несовершеннолетних, начиная с 12-ти летнего возраста, уличенных в совершениях краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания“.

Чтобы оценить всю чудовищность декрета, надо вспомнить, что дореволюционная Россия вообще не знала смертной казни за уголовные преступления. Но и по делам политическим даже военно-полевые суды эпохи Столыпина считались с возрастом подсудимых

В Зап. Европе, где сохринилась еще смертная казнь за уголовные преступления, нет такой страны даже фашистской, в которой дети 12-летнего возраста предавались бы в руки палача! И только в СССР — гриммаса истории — на 18-м году „диктатуры пролетариата“, именем социализма освящается смертная казнь для детей!

Общая политика диктатуры создает обстановку, в которой буйно разростаются сорные травы детской беспризорности и преступности.

Изданием декрета 7 апреля советская власть сама косвенно подтверждает эту истину, ибо сама необходимость прибегнут к террору против детей свидетельствует о размерах бедствия.

Дело плохо, если, несмотря на наличность „прекрасных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей“, в частности трудколон НКВД и школ РЗУ, находящихся в ведении НКЮ и занятых перевоспитанием молодых рецедивистов, советская власть признает необходимость принятие решительных и жестоких мероприятий борьбы, „единственно способных покончить с детской преступностью“.

Откуда же этот ужасающий рост детской беспризорности и преступности на пороге интегрального социализма и бесклассового общества, толкнувший советскую власть на издание воистину бесчеловечного декрета о смертной казне для детей?! . .

В пору НЕП-а детскую беспризорность считали наследием капитализма и царизма, в частности, прямым наследием гражданской войны. В этом утверждении было только полправды. В теперешних об'яснениях сов. власти нет просто и тени правды.

Новый набор беспризорных по возрасту уже не связан с капиталистическим прошлым. Но он несомненно связан с насильственной коллективизацией, массовым раскулачиванием, с голодом 1932—33 годов, унесшим сотни тысяч отцов и матерей, с вызванной недоеданием „текучестью“ рабочей силы в городах, часто сопровождающейся разрушением домашнего очага, то есть, короче говоря, новый рост беспризорности и детской преступности, размеры коей вызвали необходимость суровой борьбы во всесоюзном масштабе, есть прямой результат методов советсткой власти.

И пока не будет изменена общая обстановка, пока не будет сметена советская власть, детская беспризорность и детская преступность будет существовать и напрасно „Правда“, языком коммунистов от застенка, презирающих мораль, предупреждает подростков, что „миндальничать с ними не будет“.

Декрет 7 апреля — это свидетельство о бедности, выданное самой себе советской властью.

Судорога ужаса и отвращения пробежала по всему цивилизованному миру, когда в Германии палач в черном фраке и белых перчатках отрубил головы двум женщинам, осужденным за шпионаж.

Но можно ли себе представить расстрелы 12-летних детей в подвалах ГПУ без того, чтобы не захотелось крикнуть на весь мир: — Что же молчиш!? Должно это быть!? Как же ныне смотришь на эту „Путевку в смерть!?“

„Комунизм без маски“

(Речь д-ра Гебельса, произнесен. на парт. конгр. в Нюрнберг).

„В начале августа текущего года влиятельная английская газета в передовице „Две диктатуры“ сделала наивную и неудавшуюся ей попытку провести параллель между якобы бросающимся в глаза сходством русского большевизма с германским национал-социализмом.

„Автор этой статьи расчитывал доказать, что оба противоположные течения — национал-социализм и большевизм-схожи по существу своего строения и идентичны во многих своих законоположениях. Причем анонимный автор даже не потрудился изучить основные положения национал-социализма и большевизма. Здесь поэтому должна быть сделана попытка разложить большевизм на его составные елементы и представить его германской и европейской общественности в естественном его виде. Сделать это будет не легко ввиду того, что навострившийся и не без успеха работающий пропагандный аппарат Коминтерна безусловно сумел предствавить мировой общественности совершенно ложную картину большевизма. Если же к этому прибавить еще и глубочайшую ненависть к национал-социализму и его созидательной работе, охватившую мировой либерализм, то тогда делается до некоторой степени понятно, что нападки на нас вообще возможны. Самое существенное осталось однако незамеченным: в то время, как интернациональный комунизм пытается уничтожить все национальные и расовые предпосылки, в то время, как он видит первопричину капиталистического распада мирового хозяйства в частной собственности, которую он (комунизм) экспроприирует в самом широком масштабе и самым беспощданым образом, в то время, как он обесценивает значение личности и приносит ее в жертву чуждому к жизни колективизму, в то время, как он убивает все высшие, идеалистические стремления отдельных людей и народов и заменяет их тупым и пустым материализмом, — национал-социализм видит в частной собственности, индивидуме, нации, рассе и идеализме те силы, которые создают человеческую культуру и ее в корне определяют.

Большевизм стремится сознательно революционизировать все народы. Он носит в себе агрессивную интернациональную тенденцию. Национал-социализм ограничивается Германией и не представляет собой „экспортного товара“. Большевизм в корне и решительно осуждает принципиально религию. Он видить в ней только „опиум для народа“. В противоположность этому национал социализм стоит за религиозный и трансцендентальный идеализм, к которому стремится по натуре душа человека. В то время, как национал-социализм прокладывает дорогу новым формам европейской культуры, большевизм является пламенным провозглашением руководимой иудеями борьбы с этой культурой. Он не только антиобщественен, — он противокультурен. Его конечным следствием является абсолютное увичтожение всех хозяйственных, социальных, государственных, культурных и цивилизаторских достижений запада, в угоду беспочвенной, кочующей интернациональной клике заговорщиков, нашедшей свое выражение в иудаизме.

Свой главный удар большевистская пропаганда направляет против вооруженной силы, так как комунизм знает, что не может опираться на большинство. Поэтому у него нет других средств, кроме средств насилия. Но здесь он наталкивается на сопротивление войск, для сломления коего в армии ведется систематическая разрушительная пропаганда.

В Германии до прихода национал-социалистов к власти, была самая тесная связ в работе советского шпионажа с комунистическими организациями. В нашей стране работало заграничное отделение ГПУ. Наряду с выпытыванием и предательством военных тайн, эта организация занималась разложением полиции и армии. С июля 1931 года по декабрь 1932 года германским судом было заслушано 111 дел о государственной измене, являвшихся делом рук коммунистической партии. Наряду с этим были обнаружены многочисленные случаи экономического шпионажа.

Наглядчайшим примером участия „советских дипломатов“ во внутриполитическом разложении являет собой иудей Иоффе, советский посол, который должен был покинуть Берлин, ибо он использовал дипломатического курьера для доставки агитационного материала, предназначенного для разложения германской армии. Независимый депутат рейхстага, еврей д-р Оскар Кон, сообщил, что на устройство германской революции он получил 5 ноября 1918 года от Иоффе 4 миллиона рублей. Из этой почвы, взрыхленной индивидуальным и массовым террором, убийствами, воровством, пожарами, забастовками, уличными боями, вооруженными восстаниями, шпионажем и разложением, — поднимает мировая комунистическая пропаганда свою зверсобразную, лживую голову. Идея и движение, завоевавшие себе власть такими ужасными и подлыми средствами, могут удержать ее в своих руках только путем лжи, злословия и лицемерия.

Мировой комунизм ведет против Германии систематическую, тысячеликую пропаганду, потому что он нашел в национал-социализме своего опаснейшего противника. Любимыми темами этой подлой комунистической агитации являются — „военные приготовления германского империализма, желание реванша в отношении Франции, или анексии Украины, Дании, Швейцарии, Голландии, прибалтийских государств, крестовый поход Германии против советского союза, нелады между партией и правительстом, особенно между партией и армией, растущее недовольство масс, экономическое банкротство, предстоящая инфляция, религиозные преследования, издевательство над заключенными“. Во всех главных городах континента существуют большие бюро, работа которых заключается в духовной заразе мирового общественного мнения. Коминтерн снабжает их обширными средствами для подготовки и распространения пропаганды.

В Германии трения в религиозной области были вызваны исключительно глубокой необходи-

Временное Центр. Правление
1. Г. Л. Еременко, 2. Инж. И. Колесов. 3. Хор. И. Безуглов. 4. С. Б. Балыков.

мостью, но никогда не вели и не поведут к отвержению религии, — в противоположность этому можно привести несколько примеров из теории и практики комунизма:

В программе комунистического интернационала черным по белому стоит, что „борьба против всякого вида религии должна вестись твердо и систематически". В четвертом томе своих сочинений, Ленин говорит, что „религия-опиум для народа". На конгресе безбожников Бухарин заявил, что „религия должна быть взята в штыки". Председатель союза безбожников Ярославский-Губельман об'являет, что „мы обязаны уничтожить всякое религиозное мировозрение". Если для победы какого либо определенного класса уничтожается 10 миллионов человек, как это было в последную войну, — то это должно быть сделано и будет сделано и нами".

За время господства советской власти, только по 1930 год, были убиты 31 епископ, 1600 священников и 7,000 монахов. В тюрьмах заключены 48 епископов, 3,700 иереев и 8,000 монахов и монахинь. По данным международного антикомунистического об'единения, за время существования советской власти в России 40,000 духовных лиц подверглись преследованию. Часть их уничтожена, часть сослана или сидит в тюрьмах. Почти все православные церкви разрушены или закрыты и обращены в клубы, кино, театры.

Марксистская безбожная пропаганда в Германии, которой мы положили конец с приходом к власти, имела тоже „большие достижения". Социал-демократический „германский союз свободомыслящих" насчитывал в своих рядах 600.000 членов. Аналогичной комунистический союз — 100,000 членов.

Кто же изобрел это безумие? Кто претворил его в России в действительность и кто пытается насадит его во всем мире? В ответе на этот вопрос и лежит собственно тайна нашей антиеврейской позиции, нашей последовательной и безкомпромисной борьбы с иудейством. Большевисткий интернационал есть в действительности интернационал иудейский. Евреи изобрели „марксизм", евреи пытались с его помощью на протяжений столетий революционизировать мир, евреи стоят сейчас во главе его во всех странах земного шара.

В декабре месяце 1918 года собрался „Всеобщий конгресс рабочих и солдатских депутатов Германии". на котором главную роль играли иудеи Кон-Рейс и Гильфердинг. Германскую армию на нем представляли также иудеи Годенберг от 8 армии, Левинзон — от 4 армии, Зигфрид Марк — от армейского отделения А, Натан Мозес — от отделения В. Во главе германской коммунистической партии стояла польская еврейка Роза Люксембург. Русский большевизм возглавляли: Бородин (Грузенберг) — теперь советский комиссар во Внешней Монголии, Моисей Фрумкин, Ганецкий (Фюрстенберг), Ярославский (Губельман) — руководитель советских безбожников, Каменев (Розенфельд), Лашевич, Литвинов (Валлах), Лядов (Мандельштам), Радек (Собельсон), Зиновьев, Сокольников (Бриллиант), Свердлов. В октябре месяце 1917 года на историческом заседании партии большевиков, на котором было решено поднять вооруженное восстание, был избран военно-революционный центр, состоящий из двух русских, шести евреев, одного грузина и одного поляка. В коминтерне первую скрипку играет иудей Пятницкий. Руководство коммунистической подрывной работой во всех странах мира лежит в иудейских руках.

Это-комунизм без маски, в своей теории, практике и методах пропаганды. Его ученье об „освобождении пролетариата от ига капитализма" создано и руководится материалистически мыслящим интернациональным еврейством. Это не социальный эксперимент, а ничто иное, как широко задуманная попытка иудейства экспроприировать и убрать высшие арийские слои населения всех народов и заменить их еврейскими поддонками. С коммунизмом нужно бороться с такой же беспощадностью и жестокостью, с какой он пытается захватить власть. Здесь уже не может быть речи ни о каких пактах, так как опасность, угрожающая Европе, висит над головой и может в любой момент стать страшной действительностью. Государства, думающие, что ценою пактов они сохранят мир, в ближайшее же время на опыте убедятся, что они не укротили большевизм, а большевизм прибрал их к рукам. Нельзя также надеятся на то, что Коминтерн изменит свою работу. Он был и остается тем, чем был до сих пор.: пропагандным и революционизирующим аппаратом, предназначенным для сознательного разоружения Запада.

Большевизм явный враг всех наций и религий и всякой человеческой культуры. Мировая революция — его конечная цель, как раньше, так и теперь.

Кто заключает пакты с большевизмом, тот будет им уничтожен. Мы далеки от мысли давать какие либо советы другим нациям и их правительствам. Мы не вмешиваемся в их внутренние дела. Но мы видим опасность, угрожающую Европе и поэтому возвышаем наш предостерегающий голос, ибо мы распознали всю величину этой опасности.

Что касается нас, — то мы эту опасность, преодолели, В этом, может быть, и заключается

Г. Л. Еременко. (Чехослов.).

По текущему моменту

I. В Обществе Кубанцев.

15 сентября сг. в Праге, на экстренном общем собрании Общества Кубанцев была отстранена из Правления и исключена из Общества группа политических шольнеров во главе с известными предателеми Куб. Казачества П. Л. Макаренко и Л. Л. Бычем.

Событие это, для кубанской общественности в ЧСР, представляется чрезвычайно интересным, потому что эта группа владычествовала в организации ровно 14 лет. Причин для указанного события было больше чем достаточно и одной из главных: разгон почти всех членов Общ. Куб., и не только тех, кои „не поділяли культурно-нацьонального напрямку", но и их спутников по „идее". Так было, повидимому, потому, что попасть в такт Быче-Макаренковского „напрямку" было делом весьма мудреным и простому смертному кубанцу совсем непосильным.

Конфликт первоначально произошел в самом Правлении Общества 17 июня сг., где П. Макаренко, „прижатый к стене" глубоко оскорбил Предс. Общ. Д-ра В. И. Курганского и Секретаря и Казначея Инж. Д. Н. Еременко, погрозив попутно убить Д-ра С. А. Федорова.

В качестве подготовки к решительному сражению, Петр Макаренко выпустил специальный бюллетень, где не стесняясь в выражениях и не церемонясь с фактами, поносил председателя Общества Д-ра Курганского и Инж. Г. Еременко и горячо призывал еще оставшихся в Обществе членов не являться на созываемое Правлением общее собрание, об,являя его незаконным, наконец „низложил" упомянутых членов правления (Предс. и Секр!) и об'явил новое Правление в составе учителя Гонтаря, городовика Пухальского и дымаря Петра Макаренко т. е. ввел самого себя. Но меры эти имели обратное действие.

На собрание явилос много действительных членов Общ-ва и еще больше желающих вновь вступить, приехавших даже из провинций. В качестве оппозиции к Правлению появился Петр Макаренко, Быч, Гонтарь с семьями и родней (с женами, сестрами, зятьями братьями).

Дерзости и нахальству П. Макаренко не было предела: Как только приступили к избранию Президиума, он об'явил сам себя председателем, чем собственно и начал атаку. Его адьютант Гонтарь, не говоря худого слова, начал читать какое-то „произведение", усердствуя в этом насколько позволяли ему легкие. Зять Макаренко, г. Пухальский, метался по залу заседания, как ошалелый, горланя что-то невнятное, добавляя об'яснения ужимками и жестикуляцией; женский „батальон смерти" в составе м-м Быч, Макаренко и Пухальская, визжал, пищал, хлопал в лодаши, а сам „президент" Быч в этом усердно помагал.

Получился потрясающий „концерт", прекратить который удалось только с помощью полиции, которая, разобравшись в положении, указала на дверь этой компании.

Только после принужденного ухода буянивших, общее собрание смогло приступить к рассмотрению повестки дня. Всесторонне рассмотрев положение дель в Обществе Кубанцев, собрание постановило:

„За аморальное поведение, за вредную и порочащую имя кубанского казака работу, имеющей целью разжигать и углублять антагонизм между кубанцами в эмиграции и за стремление развалить единственную аполитичную организацию кубанцев в ЧСР — „Общество Кубанцев", г-на Макаренко П. исключить из Общества Куб".

Таким образом, кубанцы в ЧСР раз и навсегда отмежевались от этого „діяча", принесшего столько горя и несчастья Кубани, еще в недавнем прошлом вогнавшего десяток тысяч доверчивых казаков в пасть кровавого большевицкого ЧК. Ныне, по представлению Правления Общества Кубанцев, надлежащие чехословацкие правительственные инстанции уже и формально устранили Петра Макаренко от касательства к Кубанскому архиву, отобрав у него ключи и описав находящееся в архиве имущество.

Одновременно с Макаренко были исключены из Общества Кубанцев г. г. В. Гонтарь, Пухальский и Ряднина, Последний, при тайном голосовании, получил самое большое количество голосов за исключение. Оно и понятно, ибо поступки Ряднина никак не могли быть совмещаемы с званием бывшего кубанского офицера. Он. играл в Обществе роль и провокатора и предателя своих товарищей, со многими из которых учился и воевал вместе.

Последним актом этого общего собрания ОК было избрание нового правления. Избранными оказались: Др. Мед. В. Курганский — Председатель, Инж. Дмитренко и Инж. Д. Еременко — Заместители, Инж. Васюк — Секретарь и И. Пацера — Казначей.

Так „неумолимое колесо истории", при своем вращении, давит, уничтожает и повергает в бездну все негодное, отжившее и вредное и выдвигает на сцену новое, честное и активное.

величайшая миссия нашего вождя не только перед всем человечеством, ибо он воздвиг в Германии на пути наступления большевизма вал, о который разбились грязные волны азиатско-иудейского потока".

БЕЛГРАДСКАЯ ВК. СТАНИЦА.
Белград. 25. IX. 1935 г.

Председателю Центр. Правл. ВК.

Глубокоуважаемый Павел Назарович!

Белградская Вольно-Казачья станица с радостью приняла весть, что во главе Вольно-Качьего движения стал Донской герой, человек исключительной энергии и честности.

Поэтому наша станица приветствует Вас, Павел Назарович, на новом и самом ответственном посту, какой Вам когда — либо приходилось занимать.

Мы верим и всегда пойдем за Вами по той дороге, которую Вы уже давно избрали т. е. к созданию свободного казачьего государства — Казакии.

Слава Казачеству!

Атаман БВК станицы **Есаул Недожогин.**
Помощник **Ат. Д. Захаров.**
Казначей **М. Марченков.**
Писарь **Е. Перфильев.**

Ковган — Харбин

Коммунистические агенты на Дальнем Востоке

Эмиграция на Дальнем Востоке чуть ли не ежедневно пополняется новыми беженцами и всевозможными невозвращенцами, большинство которых оседает в Харбине, часть тянется к Шанхаю, Тянтзину, Пекину и дальше. Этот вид эмиграции здесь стал обыденным явлением и появившемуся новому человеку мало уделяется внимания. Но от вновь прибывших всегда можно получить точные сведения о тамошней жизни и порядках.

Необходимо подчеркнуть, что на протяжении 15 лет, во все времена года, из советского „рая“ люди, то в одиночку, то целыми группами „перекочевывают“ на чужбину, преимущественно в Китай, границы которой слабо охраняются.

Люди бросают родные места, бросают имущество, семью, втихомолку от соседей, под покровом ночи, бегут без всякого скарба, в лохмотьях, часто босиком, без харчей, как бродяги по степям Забайкалья. И это принуждены делать не природные кочевники, а люди оседлые, культурные земледельцы, веками, из рода в род накоплявшие культурные хозяйственные ценности, полагая, чтото не преступление, а положительная, роль в обществе.

Но с приходом омерзительной „власти октября“ перевернулись все понятия: Власть „трудящихся“ ограбила честных тружеников и выгнала их из домов — бродить по свету, или посослала в далекие болотистые тундры на которжные работы.

В среду этих беженцев коммунистическая власть умудряется вперемежку посылать специальных агентов коммунизма. Последние, одевшись в лохмотья, идут путями беженцев и попадают на территорию Китая, смешиваются с эмиграцией и потихоньку выполняют задания подпольного коммунистического штаба.

Есть еще одна категория пропагандистов Коминтерна (Красн. Кремля) но эта категория более серьезна и трудно уязвима. Она отличается тем, что прикрываясь паспортом иностранца, официально едеть из СССР по визам и находится под защитой признанного государства. Этот тип пропагандистов и работников Коминтерна более опасный и менее уловимый. Если они ведут себя с необходимой осторожностью, то почти невозможно раскрыть их подлинную работу.

Три раза в неделю экспресс прямого сообщения Москва — Харбин прибывает и отбывает. Часть пасажиров, транзитом через Харбин, едет дальше, а часть оседает в Харбине. Для читателя ясно, что несчастные беженцы пробираются исключительно тайком, по горным тропам, глухою тайгою, а в экспресах, с паспортами и визами в кармане, во фараках и галстуках едут только московские эмисары, тайные о явные агенты коммунистической партии, посланные руководить подрывными работамы на Востоке.

В одном из названных экспрессов в 1933 году в Харбин прибыл с визой СССР грек Владимир Георгиевич Стфаниди, со своей семьей (жена и двое детей). Он остановился у харбинского домовладетельа, бывшего офицера, зубного врача И. Корязина, родного брата жены Стефаниди (Королевская ул. № 34).

Однажды узнаю, что Стефаниди прибыл с Кубани, моей Родины. Меня, конечно, заинтересовало. Ищу случая встретиться и пораспросить, что там делается. Случай скоро представился. Узнаю, что Стефаниди, по каким-то делам, должен зайти к одному моему знакомому и уговариваюсь. Прихожу — удача: гость тут. Знакомлюсь. Делаю вид, что попал случайно. Чтобы не вызвать подозрений, говорю вымышленную фамилию и ни слова о том, что я казак. Чтобы расположить незнакомца к откровенности, начинаю его заводить, намекаю о том, что я сам с Волги-бродяга, что некогда бывал батраком и на Кубани, но, преследуемый жандармерией, как революционер, бежал в Сибирь, на Дальний Восток и в Харбине много лет живу надеждой возвратиться в благодатный СССР, но что, мол, обстоятельства так складывается, что приходится оставаться пока что здесь...

Мой собеседних (Стефаниди) и рот разинул. Он охотно начал делиться своими впечатлениями и тут же начал выкладывать про Кубань, о том, что казаки, якобы, страшно притесняли их, греков, при царском режиме и добавил:

„Если советская власть и жестока, то в одном она заслуживает не только одобрения, но и похвалы... Она, за сравнительно короткий срок, с корнем вырвала и, можно сказать, ликвидировала гидру казачьей опричины, которая была так жестока на Кубани к населению неказачьего сословия“...

Я еле удержался. Не в моготу было слышать такую клевету от грека агитатора. Здесь мой собеседник сделал паузу, откашлялся и продолжал в кратце излагать свою биографию. Родился он в станице Северской Кубанской области в 1894 году, там же он вырос и получил начальное образование. Еще перед революцией окончил в станице Пашковской гимназию, при чем, в последнем классе просидел два года „за акцент“, говорит он. Во время революции он учительствовал в ст. Северской и принадлежал к какой-то политической партии (к какой не сказал). Был активным работником, принимал горячее участие в борьбе против „казачьей гидры“, как он выразился, как во время Деникинщины, так и после ухода его в Крым.

„В 1920 году власть казачьей реакции пала на Кубани. Пришли большевики и навели порядок“ — продолжает Стефаниди. С приходом большевиков из рядового учителя Стефаниди получает место заведующего, а скоро делается и директором гимназии в „Краснодаре“. Кроме того, ему дают работу-нагрузку в Комиссии по раскулачиванию казаков и чистке Кубанского края от ненадежного и вредного элемента.

Вся Кубань была разделена на районы, во главе коих стояли за служенные коммунисты. „Чистка получилась генеральная“ — говорит Стефаниди. Край сразу преобразился. Бандитизм, который буквально терроризовал местную власть, сразу пошел на убыль. Казаки присмирели, что дало возможность проводить в крае реформы, а населению заниматься мирным трудом и строительством новой жизни. „Земля, ведь, там ранее принадлежала казакам, с упразднением этого сословия, она перешла ко всем трудящимся без выкупа“ — с увлечением рассказывает „заслуженный“ грек.

Относительно восстаний Стефаниди подчерк-

нул, что первое время, действительно, Кубань бурлила, как вулкан. Очень часто бывали вспышки по станицам, а убийства должностных лиц почти не прекращались до последнего времени. „После генеральной чистки казаки присмирели и до 1929 года воздерживались от восстаний, но власть не верила казакам и все время зорко следила за активными и выдергивала по одиночке тех, кои были опасны, частью их отправляли к праотцам, частью на высылку в отдаленные места севера".

„В 1929 году, когда я был на станции Тихорецкой — говорит Стефаниди — директором-распорядителем фабрики-кухни, которая оборудована по последнему слову техники и обслуживала депо жел. дор. служащих, рабочих и семьи жд. служащих, каждый день автогрузовики возили на кухню сало, масло, муку, мясо, рыбу, овощи из каз. станиц. Кухня ежесуточно кормила около 20,000 человек" — вспоминал большевицкий деятель.

„В период моего пребывания на станции Тихорецкой, в станицах: Ново-Леушковской, Незамайковской, Павловской, Тихорецкой и Новорождественской, с прилегающими хуторами, на почве агитации куркульского (казачьего) элемента, вспыхнуло восстание. Сразу был обезоружен местный гарнизон. Казаки завладели пушками, пулеметами и долгое время отчаянно дрались против в десять раз численно сильнейших частей красной армии и если бы не подкрепления ЧОН-а, повстанцы могли бы овладеть Тихорецким узлом, потом и Краснодаром. Только очень превосходные силы сломили сопротивление. Часть восставших, отбиваясь, ушла в горы и леса Закубанья. Сдавшаяся часть была перебита на месте сдачи. В плен не брали. Оставшихся в живых, всех без исключения, женшин и детей, беспощадно убивали. Это об'ясняется тем, что казаки все время страшно упорствуют мероприятиям советской власти Чтобы в корне пресечь могущую быть вспышку, Москва беспощадно истребляет их, как чуждый элемент. Имущества казаков конфисковывали и передавали крестьянам и рабочим. Вот тут мои грузо-машины натаскались из станиц продуктов. Целые склады были ими забиты!" — воскликнул Стефаниди.

Передавая эти ужасы казачьей трагедии, Стефаниди, без малейшего волнения, радостно выкладывал их, в то время, как я сидел словно на раскаленных угольях. Когда Стефаниди перешел на тему о том, что, якобы, греков в дореволюционное время казаки притесняли, он сразу побагровел, глаза налились кровью, голос нервно задрожал и он стал жестикулировать, словно только что был кем-то из казаков схвачен, избит и оскорблен.

Мое терпение иссякло. Я привстал со стула, жестом руки остановил завравшегося пропагандиста и сказал ему в упор: „Врешь ты, собака! Ты, значит, был комиссаром на Кубани и громил моих братьев-казаков!? Так знай, подлец, что больше грекам нет места на Кубани! Довольно вам жить нашими соками и попирать нашу святыню — Казакию! Почему ты прибыл сюда, в Харбин? Тебя, собаку, послали для подрывной работы?! Ты агитатор коммунистического подполья!"

Тут хозяин квартиры вскочил со стула и стал меня умолять о прекращении шума. Воспользовавшись этим моментом, Стефаниди шмыгнул в дверь, и только его и видели. Подумал было заявить полиции, но на что полиция, ведь он легальный иностранец!

Прошло около шести месяцев. Слышу в полицейкском участке разговор. Оказывается квартирохозяин Стефаниди, брат его жены, мерами полиции выдворяет своего зятя из квартиры. Оказывается Стефаниди, как специалист-провокатор, за короткое время расстроил семейную жизнь супругов и заварил такую кутерьму в их доме, что хоть бросай все и беги. Кроме того, уж очень он надоел своими черезчур мерзкими приемами восхваления большевизма.

После этого, Стефаниди поселился по Конной улице № 76. Не прошло и 4-х месяцев, как и этот квартирохозяин волком взвыл. Стефаниди успел столкнуть домовладельца и квартиронанимателей. Пробудил, знать, „классовую бдительность". Вспыхнула домашняя революция. Домовладелец в полицию — просить помощи для выселения агитатора. Тот на него контрпретензию за „опорочение его честного имени!" и при этом жалуется:

„То ли дело в СССР.! Там вашего брата того-сь... 37 копеек за квадратную сажень отвалишь и не пикни, собака!"

Интересно, что и дети (13—14 лет) самостоятельно выполняют задания отца. Они проводят самую тщательную слежку, шпионят и вообще настоящие дети социалистического воспитания! Пролезли они к фашистам-монархистам, носят их форму и, как политически разбитные, руководят группами школьников и на хорошем счету у наставников.

(От собств. корреспондетнта).

Г-ну Председателю Центр. Правления ВК. есаулу П. Н. Кудинову.

Правление ВК Донскві Селимийской Свято-Николаевской станицьі от лица станицьі и своего приносит Вам и в Вашем лице всем членам Центр. Правления свое искреннее от души поздравление с принятием Вами на себя высокого и ответственного поста, предложенного Вам волею народа, вьіявившего ее через своих представителей на с'езде 24—25 августа.

Помоги же Вамъ Боже — в скором времени об'единить Казачество во едино и повести его с молитвою на врага для достижения заветной„ цели — освобождения казачьих краев и создания независимого казачьего государства — Казакии.

Правление верит и надеется, что лица, избранньіе в ЦП сумеют сплотить вокруг себя все Казачество и дать отпор всем недругам Казачества, а всем друзьям и спутникам протянуть руку помощи и поддержки.

В заключение настоящего поздравления правление станицьі вьіражает глубокую благодарность всем тем вольньім казакам, которьіе вь время взяли инициативу в свои руки и активной работой предотвратили вредньіе последствия ненормального явления в жизни ВК.

Честь и хвала Вам, истинньіе патриотьі Казачества. Освобожденная мать-Родина помянет вас добрьім сдовом.

Да здравствует законное Центральное Правление ВК — казаков националистов! Да здравствует Казакия. Слава Казачеству.

Стан. Атаман **М. Н. Гусаков.**
Писарь и Казн. **Кузнецов.**
Членьі правления **И. Льіков** и **В. Лапиков.**

8 сент. 1935 г. № 39. Гор. Торговище.

---

17 ноября с. г. Центр. Прав. устроило собрание посвященное памяти Кулабухова. Подробные сведения о этом собрании будут помещены в следующем номере Журнала.

А. Лаврухин. (Болгария).

„Итало-абисинский конфликт"

Последние месяцы печать Европы уделяет немало места так-называемому Итало-Абисинскому конфликту. Чтобы дать хоть малое представление своим читателям о сущности этого конфликта, я постараюсь разносторонне подойти к этому вопросу и ответить на все интересующие здесь стороны. Усилия Италии проникнуть в Африку со стороны Чермного моря и положить свою руку на Абисинию идут с давних времен.

Оне берут свое начало с того времени, когда Италия начала искать возможности колониального расширения.

Колониальной силой Италия явилась поздно. Как известно, об'единение Италии завершилось в 1860 г. До того же момента она была разделена на мелкие державы, большая часть которых была подфактическим протекторатом Австрии. Независимо от этого последняя владела еще Ломбардией и Венецианской областью. Будучи об'единена под управлением Савойской династии, Италия, по примеру других держав начала искать колоний с целью образовать колониальную империю на подобие Англии, Франции, Германии или из мелких держав Голландии, Португалии, Испании. В начале Итальянцы обратили свое внимание на ближайший до Сицилии африканский берег, где когда-то процветал гордый и мощный противник древнего Рима-Карфаген. Где после мусульманского нашествия было образовано тунисское вассальное княжество под протекторатом Турции. И прежде чем итальянское правительство пожелало подчинить Тунис — Франция опередила Италию и подвела Тунис под свой протекторат.

Договором 1881 года тунисский правитель признал покровительство Франции. Италия увидела свои надежды обманутыми, но она была бессильна бороться с сильнейшей организованной Францией, которая уже владела в это время Алжиром и необходимо было постепенно примириться с совершившимся фактом. Римский кабинет удовлетворился лишь формальным протестом против установленного французского протектората и решил изменить направление своей внешней политики и обратить свое внимание в сторону Германии большой противницы Франции. Эта новая ориентация итальянского правительства позволила образоваться тройственному союзу — Германии, Австрии и Италии с новой задачей изолировать Францию от политических дел.

До тех пор пока в Италии царствовал Умберто, отец теперешняго владетеля, целость тройственного союза свято сохранялость. Но в 1900 г. Умберто был убит и престол занял Виктор-Эмануил II.

В 1902 году стали заметны первые колебания Италии в области внешней политики. Франция всеми силами стремилась привлечь Италию на свою сторону и в 1904 году в министерство Делкасе между Францией и Италией было постигнуто тайное соглашение по которому первая признавала исключительныя права второй над Триполитанией и Киренайской, которые в то время были турецкими провинциями. Таким образом была подготовлена Итало-Турецкая война 1911—1912 г. результатом которой Италия присоединила эти области к себе. Однако взоры Италии не переставали обращаться в сторону Абисинии. После неуспеха наложить свой протекторат на Тунис, Италия захватила части восточной Африки — Иритрию и Итальянскую" Сомалию. Через эти земли Италия обратила свои силы для покорения всей Абисинии.

В 1896 году итальянский экспедиционный корпус был разбит при Адуа. Италия временно признала независимость Абисинии и в 1898 г. подписала с Негусом договор и казалось, что Италия навсегда принуждена была забыть об Абисинских землях. Однако, спустя девять лет, т. е. в 1915 г. когда Италия вмешалась в войну, Абисинский вопрос вновь выплыл на сцену. Договором 28-го апреля 1915 г. Англия и Франция давали право своей новой союзнице занять южную часть Малой Азии, область Адалию за счет Турции и Самалию с Иритрией за счет Абисинии. Не смотря на то что война закончилась в ея пользу-Италия не получила ничего, т. к. немецкие африканские колонии были поделены между Францией и Англией. Несколько раз Мусолини поднимал вопрос об отступке Италии колоний в Африке, но он встретил препятствия со стороны Англии и Франции. В 1927 г. первый раз и в 1933 г. второй раз Италия спешно начала укреплять острова Додеканеза, но ввиду того, что последние явились угрозой Турции, — последняя через СССР. сделала давление на Францию, которая воспрепятствовала Италии.

Как известно в Абисинии находится озеро Тана откуда вытекают изобильные воды синего Нила, а последний имея важное значение для орошения Египта и Английскаго Судана.

Англичане за последное время развили культуру хлопка и поэтому всегда держали в своих руках весь бассеин этой реки. И никогда не допустят никого в эти земли. Этим собственно и об'яснятся большое недовольство Англии по отношению Италии в ея стремлениях завладеть Абисинией. Несмотря на всевозможные об'яснения и оправдания которые дются из Парижа в основе Итальянской политики против Абисинии лежит Франко-Итальянское соглашени от 7-го января 1935 г. Иначе Мусолини едва ли бы решился предпринять свою африканскую экспедицию. Англичане, в свою очередь испробовали всевозможные мирные средства во избежание войны, но все же были отвергнуты Италией. В лиге Нации также издавна рассматривается Итало-Абисинский вопрос и все время получаются разногласия между Италией и Англией, Англия все время настаивает применить к Италии санкции, но трудно это допустить, т. к. не кому исполнять эти санкции. При существующем положении могут быть применимы только со стороны Франции и Англии, — держав обладающих достаточной военной силой. Но Франция едва-ли согласится выступить против Италии, а Англия не посмеет, т. к. это означало — бы — начало новой Европейской войны.

Какова-же причина, толкающая Италию на завоевание Абисинии? Действительными причинами толкающими Италию против Абисинии являются причины экономического характера.

1) Италия одна из густо населенных держав.

Густота населения приблизительно исчисляется по 140 душь на 1. кв. км. В это время как Абисиния всего на всего 8—10 душь на 1 кв. км.

2) Абисиния в индустриальном и земледельческом отношении стоит далеко позади.

Так напр., в 1890 г. прирост населения был настолько велик, что страна не в состоянии была питать население. И масса итальянцев начала эмигрировать в соседние державы и Америку. Так напр., в 1907 г. только в САСШ. эмигрировало 286,000 итальянцев. В течении же ста лет Италия дала более 7 милионов переселенцев, большая часть которых была ассимилирована. Вполне понятно, что такое явление представляет большой убыток для державы.

Кроме того по окончании войны, когда свет нуждался в рабочих руках из Италии только в Америку в'езжало 284 т. итальянских рабочих. Когда же экономический кризис и безработица коснулись и Америки, то последняя ограничила в'езд рабочих до 4000. Так что держава, как Италия, Япония и Германия, которые не имеют места где расселять свое население, должны искать какие-то выходы иначе стране грозит голод, безработица, кризисы и т. д. В Абисинии же Италия, в сущности, находит и землю для населения, не опасаясь за ассимиляцию; и место сбыта продуктов фабричного производства и источник сырья, как-то: хлопок, кафе, минеральные залежи и пр., необходимый для Италии.

Население же, переселяясь в Абисинию, уходит туда, как в свое отечество, перенося туда итальнский дух, культуру и часть самой нации в восточную Африку от басейна р. Нила до берегов Черного моря и Индийского океана.

Но осуществится ли этот грандиозный план Итальянцев предварительно сказать друдно и только может рассматриваться, как гипотеза придела человеческой возможности.

ХРОНИКА

Всеказачий праздник. — 13 октямбря, в день Донского и Кубанского войсковых праздников, казаки в Праге провели общеказачье празднование в широком масштабе, с участием украинцев. После молебна в 12 часов было собрание волных казаков и укр. запорожцев, а вечером, в 5 часов, общеказачье празднование без делений.

Доклад под'есаула М. В. Акимова. — 24 июля сг, в ознаменование Булавинского дня, пражские вольные казаки устроили собрание, посвященное памяти Атамама. На этом собрании ат. ВК станицы имени Некрасова в Праге сделал краткий связный доклад об экономических и политических причинах восстания Булавина. Докладъ вызвал оживленный обмен мнениями. За поздним получением, самый доклад будет напечатан в одном из будущих номеров.

8-го ноября с. г. станичник Александр Калинович Тюльтинов сочетался законным браком с девицей Николиной Петровной Никифоровой. Дружком был Председатель Центральнаго Правления К. Н. П. Н. Кудинов, свахой была его супруга Пелагея Ивановна. Наши чистосердачныя пожелания новобрачным и счастливой жизни.

Обручение казачьего беллетриста. — Известный казачий беллетрист Иван Пантелеймонович Егоров обручился с девицей Луизой Антоновной Штафль — дочерью бывшего Полномочного Представителя Чехословацкого Правительства на Дальнем Востоке. А. А. Штафля. Невеста нашего соратника — красивая, интеллигентная и прекрасно воспитанная барышня, владеющая несколькими языками. В недалеком будушем предстоит свадьба. Пожелаем нашему соратнику — вк счастья, а нашей будушей новой казачке — казачье добро пожаловать.

Казачьи гос. флаги среди флагов славянских государств на офиц. торжестве. — 28 сент. в Праге состоялось торжественное освящение чешского православного кафедрального храма святых Кирила и Мефодия. Епархиальная Рада пригласила и ВК национальные организации.

На торжестве присутствовали представители Чехословацкого Правительства, дипломатического корпуса православных государств. церквей, корпораций и масса народа.

По лицевой стороне храма, возбуждая внимание, развевались большие пятиметровые флаги всех православных народов, в том числе и казачьи — Донской и Кубанский, сооруженные Об'единением ВК.

Таким образом, на всеславянском церковном форуме было подчеркнуто равноправность казачества в семье славянских народов, как отдельная самодовлеющая единица. Следует, кстати, отметить, что именно чешская православная церкомь впервые, после 225 лет, совершила молитвенное поминовение по казачьим атаманам — Булавине, Некрасове и Гордиенко-Головке, отлученным российским синодом от церкви за борьбу с московским царем Петром I за государственную независимость Казачества.

От'езд делегата калм. пересел. Ком-та на Дальний Восток. — 20 сентября, параходом из Марселя, член Калм. Организации „Хальмак Такчин Тук" Михалинов выехал в Манджу-Го с полномочиями по вопросу о поселении калмыцкой эмиграции в Манджурию в условиях сельскохозяйственного труда.

Очередной номер „Ковыльных волн": Вышел 11 номер калмыцкого вк. журнала „КВ" с богатым и разнообразным содержание. Номер этот издан типографским способом и производит приятное впечатление.

18—19 номер „Востока". — „Ориенталистическое Коло Молодых" издало очередной номер своего солидного журнала „Восток", выходящего под редакцией В. Бончковского. В полученном нами номере статьи; Бончковского „Уваги на час", Расул-Заде „Нац. течение в Сов. Азербейджане", Шандрука "Генеза умови польско-украинск. в 1920 р". Маланюк „О литературе в Сов. России", В. Пельца „Характер Рос. Японс. взаимо отношений" и т. д. Очень страдно, что в последних номерах этого прекрасного журнала появляются произведения некоторых вольных казаков. Так, например, в прошлом номере были напечатаны: Стихотворение Павла Полякова „Хутор Разуваев" на русском языке, рассказ Балыкова „Сильнее Власти" на польском языке, а в последнем номере напечатано стихотворение в прозе „Глазуновская" — Петра Крюкова.

Празднование всеказачьего войскового праздника Покрова Пресв. Богородицы в Праге. — Впервые за 15 лет казачьей эмиграции наш казачий праздник был отпразнован в духе и обстановке официального всеобщего торжества. На предшествующей празднику неделе в наиболее распространенных чешских газетах появились статьи, посвященные истории возникновения праздника Покрова Пресв. Богородицы и празднованию его как войскового праздника у казаков. Там же упоминалось, что в этот день перед чешским православным кафедральным храмом будут реять **Казачьи Национальные флаги**, и была опубликована программа праздника.

В соборе, при большом стечении народа, во время обедни, настоятель храма протоиерей Петр Кацер — друг казаков еще по г. Брно, произнес проповедь о значении праздника для православия, об исторической роли казачества в защите православия и о значении этого праздника для казачества.

После литургии, он отслужил молебен с коленопреклонением, поминовением казаков, павших в боях, умученных и убиенных и в рассеянии скончавшихся, с многолетием славному Казачеству. Пел соединенный казачье-украинский хор. (Украинское Т-во Запорожцев тоже приняло участие в празднование).

После молебна участники были сфотографированы под казачьими флагами перед храмом и перешли в соседний ресторан, украшенный казачьими и вольно-казачьими флагами.

Атаман Пражской ВК станицы под'есаул **М. В. Акимов** сдедал краткий доклад о празднике Покрова у казаков и продекламировал ряд вк. стихотворений.

Полковник **Д-р С. А. Федоров** сообщил об истории праздника, о праздновании его у запорожцев и о тесной дружбе Украины и Дона в прошлом.

Глава запорожцев в Праге архитектор **Корнийчук** с свой стороны осветил значение этого праздника у украинцев и о сотрудничестве Запорожья с Доном.

Быв. Главнокомандующий Украинской Армией и Верховный вождь Галицкой армии генерал **Омельянович-Павленко** (сам родом из казаков быв. Дунайского войска) коснулся общности украинского казачества с донским и восточным, осветил значение праздника Покрова, как войскового в Укр. армии и подчеркнул, что и Укр. армия, всегда расположенная к Казачеству, также как и оно, достигало победных результатов в боях с противниками в день Покрова.

На собрании присутствовали, кроме ряда известных украинских и казачьих деятелей, Начальник Гетманской Канцеларии **С. В. Шемет** Член Украинской Управы подполковник **Д-р Б. Гомзин**.

Вечером, в другом ресторане, состоялось большое общеказачье празднество. После приветственных речей казаков всех войск, калмыков, украинцев и доклада Атамана **Якимова** началась музыкально-вокальная программа, в которой приняли участие кубанцы — **М. П. Заболотная**, **Ю. И. Залесский**, Инж. **В. Божко** и донец **Траилин** (композитор).

Казаки спели войсковые Гимны, пели свои песни, танцевали и долго веселились, позабыв в этот вечер о серых буднях эмиграции, перенесших мыслями в далекие родные степи. Устроители старались сгладить всякие разногласия и трения в казачьей среде и хоть в этот день об'единить всех казаков в одну семью от Днепра до Тихого океана. Дай Бог, чтобы за вольными казаками и за войсковым праздником донцов — Покровом Пресв. Богоролицы — пошли и все остальные казаки и приняли его как обший, всех об'единяющий праздник. (Соб. Кор.)

Копия письма делегата Биловского с'езда в Болгарии Станичника Михаила Токарева, живущаго в гр. Лесковец. — Извините меня, что я не ответил на Ваше письмо. Работал по гроздоберу при фирме. Рано выхожу на работу, а в одинадцать или в 12-ть чс. вечера ворочаюсь с работы. Сейчас работу прекратили. Пишу Вам письмо и пропишу за походнаго Атамана, за Ески-Джумайский с'езд и как Ковалев встречал Билаго 31-го августа с. г. Когда должен был приехать Билый в Лесковец, то Ковалев Ушел на работу, а Пискунову сказал: „Если приедет Билый, то встретишь его, а мне некогда. У меня есть работа. Когда приехал Билый в Лесковец и ходил по городу искал квартиру Ковалева, его некому было встретить. Ковалеву Билый не нужен. Ему нужны деньги, что бы высылал ему Билый. Так стан. Ковалев встретил своего батюшку Игаиата Архиповича Билого 31-го августа. В — час дня уехали в Ески-Джумая. Когда они прибыли туда и что было там, я не знаю. 1-го сентября в 9 час. утра собрались все гости станичника Воротникова (в доме) и был открыт с'езд. Билый расказывал как образовалась оппозиция. Дальша начал говорить насчет с'езда в Братиславе. Игнат Архиповичь говорить: „Больших пожертвований в оппозиции не должно быть и никакая держава не может помагать оппозиции, а только может помагать одна Сов. Россия. Значит, Игнат Архиповичь назвал оппозиционеров большивиками. Это его слова. После приступили к выборам Игната Архиповича Билаго и временного председателя стан. Ковалева. На с'езде было шесть делегатов, из которых только один делегат имел на руках уполномоченное от организации, который при выборе Билого, воздержался, а остальные не имели ни каких наказов от организаций. Не девят старых организаций выбирали Билого и Ковалева, атолько пять человек, которых никто не уполномачивал. Вот как выбирали Иг. Ар. Билого походным атаманом, на с'езде. Ковалеву же хочется быть окружиым Атаманов в Болгарии и получать от Билого жалованье. Он только за то и бьется перед Билым . . .

Прошу Вас все что есть в моем письме отпечатайте и разошлите везде. Пускай узнают все, как выбирали Билого походиым Атаманом в Болгарии.

гр. Лесковец, Болгария. **Михаил Токарев**

Письмо в редакцию. — Настоящим имею честь просить редакцию журнала „Казакии" не отказать в любезности в ближайшем номере журнала поместить нижеследующее обращение:

Куплю книги: 1) В. Крюкова — Родной Край. 2) Проф. Сватикова — Россия и Дон. 3) Сватикова — Россия и Сибирь. 4) Издания Донской Исторической Комиссии — три тома Донских Летописей, Казаки на Чаталдже и Лемносе. 5) Сборник — Казачество — издание ОСДКТ. 6) Кубанский поход. 7) П. Н. Краснов — Казачья самостийность. 8) „Сибирский Казак" — Войсковой юбилейный сборник. 9) Шильников — 1-я Забайкальская Казачья дивизия. 10) Мих. Шолохов — Тихий Дон (три тома). 11) М. Шолохов — Поднятая целина. 12) Казачий Альманах (журнал). 13) Проф. Ф. А. Щербина — История Куб. Каз. Войска.

Предложения, с указанием цены с пересылкой, прошу адресовать: Инж. Павел Бондаренко. Братислава. Вестендский ряд, № 221. Чехословакия.

Постановление. — Мы ниже подписавшиеся, ввиду ложных утверждений А. К. Ленивова, появившихся в № 177 журнала „Больное Казачество", касающих ся И. И. Безуглова, который, якобы, будучи Секретарем Бренского филиала Союза Русских Студентов произвел растрату общественных (Бон. фол. СРС.) денег в 1926 году и был академическим судом признан виновным, в результате чего, будто, должен был покинуть университет и уехат из Брно. В целах востановления истинны считаем своим долгом сообщить ко всеобщему сведению следующее;

Все утверждения А. К. Ленивова являются продуктом его буйной фантазии ни на чем не основанной. И. И. Безуглов, будучи Секретарем Союза Руских студентов от марта 1923 год. до марта 1924 года, никакой растраты не производил и судим никогда и никем не был.

Из Союза выступил по собственному желанию, подав заявление о выходе, что сделали в то время почти все казаки, ввиду постановления общеказачьей Студ. Стан. в Чехослов. Республике, согласно которому казаки-студенты, состоявшими членами в общ. Каз. Студ. Ст. не могут одновременно состоять в не казачьих студ. организациях.

По выходе из союза Р. С. И. И. Безуглов состоял помощником атамана в казачьей организации в г. Брно... В 1925 году в мае месяце И. И. Безуглов, получив место ассистента на испытательной агрономической станции в г. Братиславе, женившись, выехал из Брно, прекратив свое образование в Сельскохо озяйственном Институте в гор. Брно. В Братиславе, с самого начала возникновения ВК. движения, состоит атаманом вольно-каз организаций.

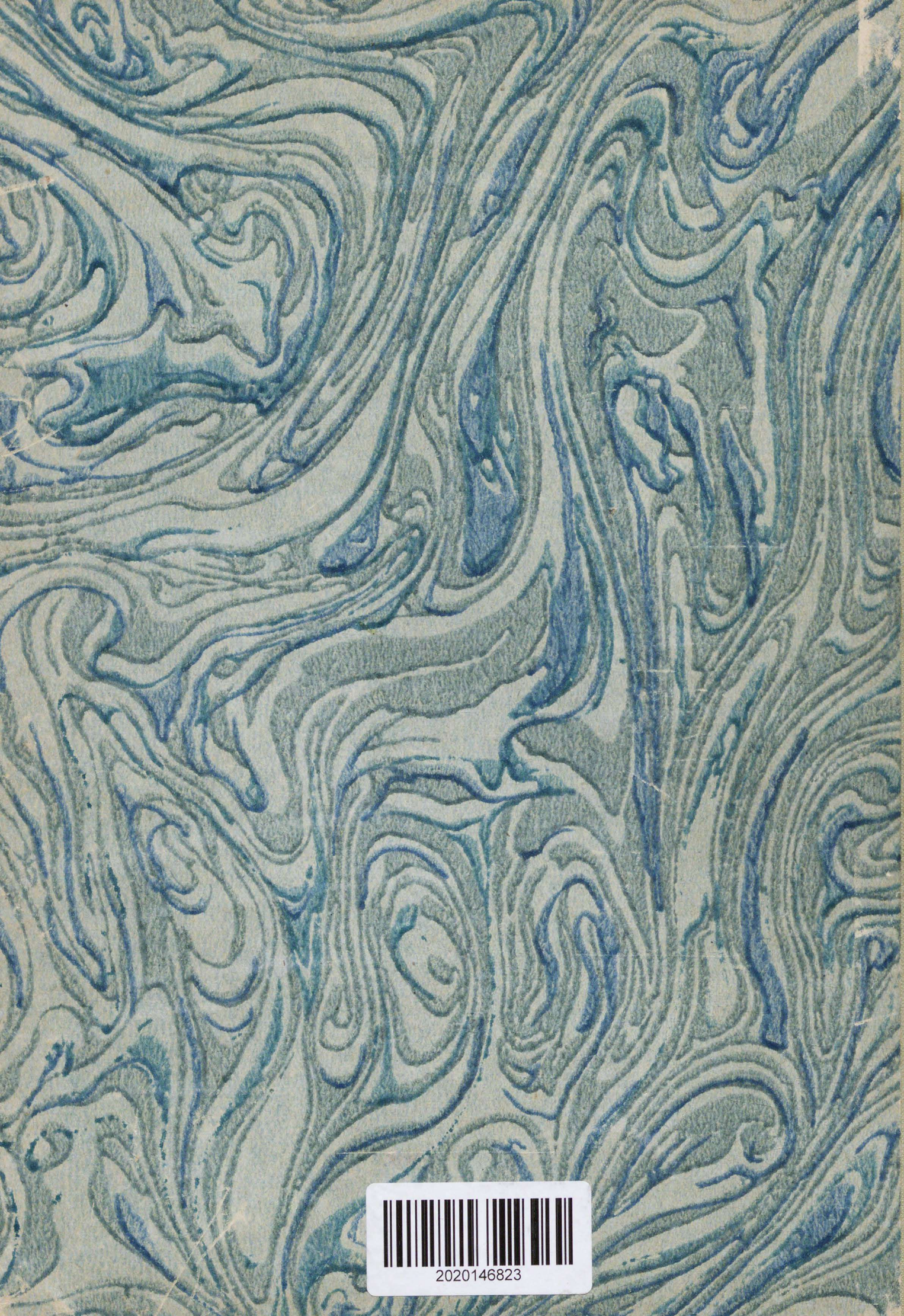
Инж. **Петр Танутров**

(Член. Прав. Союз. Рус. Студ. в Брно) 1934-35 г.

Инж. Владимир Щедровичь, инж. Гуренко Георгий, инж. Демнов Петр, инж. К. Романенко, инж. Демушкин Димитрий, инж. Попов Евгений, инж. Мишустов А., инж. Викт. Карпушкии, инж. Запорожцев Мих., инж др. Алейников А., инж, арх. Медведев Серг., инж. К. Мосев И., инж. К. Марцишь, Еремин М., инж. Забабурин. (последний в течение пяти лет был, после Букановскаго, Предс. Прав. СРС. в Брно, и, прежде чем подписаться под этим заявлением, собственноручно написал следующее: Ст. Безуглов никогда из Союза за растрату (ея не было) не исключался. **М. Забабурин.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на литературно-исторический информационный журнал
КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ

Условия подписки:	на 6 мес:	на год:	отделнаго номера
Во Франции	20 фр.	35 фр.	4 фр.
В Чехословакии	30 к. ч.	50 к. ч.	5 к. ч.
В Болгарии	75 лева	150 лева	12 лева
В Румынии	80 лей	160 лей	12 лей
В Польше	8 зл.	15 зл.	1 зл.
В Германии	3 р. м.	5 р. м.	50 пф.
В С. Америке и др. странах	1,50 долл.	3 долл.	0,20 долл.

2020146823